

Ғафилмурат Ғасанов

Зайнаб

Гаджимурад Гасанов
Зайнаб (сборник)

«Написано пером»

2016

УДК 82-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Гасанов Г. Р.

Зайнаб (сборник) / Г. Р. Гасанов — «Написано пером»,
2016

Выбор в жизни и пространстве – вечная тема, которая стоит перед человеком со дня его сотворения. Возможно, в этом и заключается смысл неутоимого стремления найти себя, оставаться самим собой. Многие персонажи рассказов и повестей сборника «Зайнаб» Гаджимурада Гасанова – верующие в бога люди. Они ощущают себя частицами мироздания, и Бог в их сознании неразделим с мирозданием. Его героям не хватает сил в борьбе с внешними факторами подавления, и они умирают в одиночестве. Все персонажи произведений исключительны и в большинстве своем одиноки, трагичны. Проводя параллель между хищническим поведением современного человека и дикими животными, автор сборника «Зайнаб» приходит к умозаключению, что сообщество волков к сообществу людей относится намного терпимей, чем сообщество людей к своему сообществу. «Я видел, как стая волков меняет вожака; без драки, крови, интриг и подстав. Я был свидетелем того, как «стая» людей меняет своего вожака через интриги, подставы, драки и кровь». Мы призваны помогать друг другу, восклицает автор, говоря о неразрывной связи человека и природы. Сильный человек обязан защищать слабого человека. Но не все люди это понимают, тому пример один из героев повествования Мямуч. И это беспамятство не только ожесточает людей к природе, но и по отношению к самим себе. Человек своими действиями опустошает души людей, Землю. Автор подводит читателя к философской мысли: «За нашу жестокость Природа нам тоже жестоко мстит. А как будет жить человек на опустошенной Земле?»

УДК 82-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Гасанов Г. Р., 2016

© Написано пером, 2016

Содержание

Зайнаб	7
Зарра	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Гаджимурад Гасанов

Зайнаб. Сборник рассказов

© Гаджимурад Гасанов, 2016

© Издательство «Написано пером», 2016

Зайнаб

Когда со старожилками высокогорного табасаранского селения заводишь разговор о Зайнаб, одни уклончиво прячут глаза, у других оживают лица, в глазах появляются предательские огоньки. Самый старший аксакал, умудренный жизненным опытом, вынет из кармана кисет с табаком и аккуратно разрезанными лоскутками газетной бумаги, мягкими движениями большого и указательного пальца насыплет щепотку; по одному краю бумажки пройдет кончиком языка, закрутит ее в козью ножку и закурит. После двух-трех затяжек тихим, монотонным голосом начнет рассказывать печальную историю деревенской девушки.

– В горах Дагестана, в прикаспийских степях, – во всем свете не было девушки краше Зайнаб! – он на мгновение задумался и с горечью добавил. – Не было на свете девушки несчастней Зайнаб! Только тогда, когда она покинула этот мир, когда у многих сельчан с глаз спала пелена, затмившая их разум, произошло прозрение. Они поняли, какого исключительного человека, какое неземное создание потеряли.

Зайнаб от рождения была наделена редчайшими способностями; она так тонко чувствовала окружающий мир, что порою ей казалось – она способна его видеть из глубин небес как через увеличительное стекло. Она с того дня, как себя помнит, могла замечать то, чего природой были лишены другие. Еще с детства читала душу человека, могла различать, что такое хорошо, что такое плохо, краски Света от красок Тьмы. Девочка каждое утро с нетерпением ждала восхода солнца, ее завораживал вечерний закат. Следила за лунным циклом, ее восхищал молодой месяц первого дня, она тревожилась перед наступлением полнолуния. Наблюдала за восходом и заходом звезд, созвездий, Прислушивалась к журчанию реки, вою ветра, подражала голосам птиц, животных. Ее увлекало то, мимо чего равнодушно проходили ее сверстницы, к чему они были подчеркнута холодны. Она чувствовала, что она не такая, как все, стеснялась своей непохожести на остальных. Когда девочки, не понимая ее, за ее спиной начинали многозначительно шушукаться, у нее на глаза наворачивались слезы. Зайнаб с обидой отдалялась от них, уединялась с одиноким ясенем, растущим у речки. Пряталась под его густым зеленым одеянием и безутешно плакала. Она догадывалась, что она родилась исключительной, глубоко понимающей природу мира, природу вещей, суть человеческого бытия.

Отец за семейными проблемами не смог уделить должного внимания воспитанию дочери. Он не успел заметить, как она подросла, стала невестой. Только тогда, когда сельские парни стали на ней ухаживать, а родители в его присутствии хвалить своих сыновей, он понял, скоро его подросшая пташка вылетит из родительского гнезда. И он останется один.

Любила ли Зайнаб кого-либо из сельских ребят? Да, любила Муслима, сына тетушки Сельминаз. Она любила его неземной любовью. Муслим – первый красавец и джигит в селении. По своим моральным, этическим качествам, физическим способностям, ловкости и смелости в этом округе не было джигитов ему равных.

Зайнаб любила так, что казалось, под воздействием ее любви на небе звезды загорались ярче; ветер в горах свистел мелодичнее; Рубасчай под селом журчал веселее; цветы на лугу распускали свои бутоны по особому.

Взрослых сельчан она покоряла своим воспитанием и необычной смелостью, девчонок и ребят пленяла своей искренностью, обаянием, беспредельной преданностью.

В горах Табасарана знатоки девичьей красоты любили повторять, что на свете нет девушки краше Зайнаб, на свете нет девушки милее Зайнаб! В те годы в Табасаране джигиты, и особенно девушки о чувствах, любви открыто стеснялись говорить. Не всякий джигит, тайно влюбленный в нее, прилюдно решался воспевать ее красоту. Такое себе могли

позволить только ашуги и сочинители песен. Муслим впервые песню, посвященную Зайнаб, услышал из уст молодого ашуга в соседнем селении на празднике «Эвелцан».

Когда молодой ашуг в сопровождении струнного инструмента тар спел песню о Зайнаб, все кругом замерло. Молодые люди затаили дыхание, горы ниже склонили свои седые головы, белогривые облака задумчиво приостановились на склоне неба, ветер стих, речка перестала журчать. Под воздействием этой песни многие девушки не сдерживали слез, у джигитов каменели лица. Песня так изумила Муслима, что он от неожиданности потерял дар речи. Ему показалось, что красоту Зайнаб воспевают не молодой ашуг, а он сам. Слова этой песни зародились в его сердце давно, когда он в первом классе вместе с Зайнаб сел за одной партой. Он сокрушался, где же молодой ашуг из уст Муслима мог услышать эти слова? Он, кроме ясеня, одиноко растущего на берегу реки, про свой секрет никому не поведал!

Муслим песней, воспевающей его любимую, был потрясен так, что по телу пробежала странная дрожь, сердце замерло, кровь застыла в сосудах. Юноша был поражен не словами песни, а самым напевом, драматизмом исполнения, музыкой, вибрирующей в каждом уголке, каждой клетке его души, музыкой неземной, всепоглощающей, душераздирающей, вызывающей в горле спазмы.

Эта песня в истории любви Муслима и Зайнаб открыла новую страницу. Ашуги на всех посиделках молодежи, на свадьбах, праздниках старались исполнять ее. В каждом селении, в зависимости от исполнителя, менялись слова песни, сами исполнители, музыканты, но напев оставался тот же самый. Молодые влюбленные эту песню воспринимали как талисман, как божий дар. Они с этой песней на устах ночью ложились спать, с этой песней встречали первые лучи солнца. Эта песня в их устах звучала так искренне, они ее исполняли с такой неподдельной преданностью, с таким трепетом в душе, что порой казалось – без нее померкнет дневной свет, реки остановят свое течение, звезды погаснут на небесах, а Млечный путь поменяет свою траекторию. Это песня стала гимном любви всех влюбленных округа. Она придавала силы отцам, матерям, женам, потерявшим на войне сыновей, мужей – всем тем, кого не минуло пламя войны. Эта песня стала набатом, залогом стойкости, мужества, любви и самоотречения.

Казалось, под впечатлением этой песни горы расправили свои плечи шире, реки стали чище и быстрее, пустыни покрылись буйной зеленью, отжившие свой век старики и старухи потянулись к жизни.

Первоначально Муслим ревновал, злился на исполнителей песни о его любимой. Но когда осознал всю глубину, красоту песни, то и любимую стал воспринимать совсем по-иному. До него дошло, что только самое нежное, прекрасное создание, самый чистый человек в сердцах влюбленных может зажечь такое пламя любви, только такое создание в их глазах может подняться на такую значимую высоту, стать кумиром! Только потом он начал понимать, почему на устах всех влюбленных имя Зайнаб звучит как молитва, как любовь, как зов небес; почему к этому созданию Бога и природы относятся так трепетно; почему ее чтят так свято! Только потом он уразумел, почему на нее, как на посланницу небес, как на божий лик стала молиться вся молодежь, почему о ней по всему округу пошла такая молва!

* * *

В захолустье Табасарана, в старинной наследственной сакле, проживал слепой ашуг Рустам. Вместе с ним жила единственная дочь Зайнаб и семеро сыновей. Ашуг Рустам и его дочка Зайнаб были известны во всем округе как предсказатели судьбы, как величайшие сказители, как великолепные исполнители народных песен, как виртуозные музыканты-чунгуристы. О необычайной красоте девушки, неповторимом голосе, о ее исключительных музыкальных способностях ходили легенды.

Дети рано потеряли мать и все трудности кормления, воспитания семьи легли на плечи слепого ашуга Рустама и старшей дочери Зайнаб.

Шахрузат, жена Рустама, была первой красавицей в селении. До замужества она была своенравной, волевой, очень дерзкой девушкой. Отец с матерью в ней души не чаяли. Ей прощали все вольности и капризы. Ей завидовали все женщины и девушки села. Многие женщины побаивались ее за крутой характер, острый ум, неповторимую красоту. А некоторые ее в душе ненавидели.

К Шахрузат сватались самые богатые люди округа. Одних она презрительно осмеивала, другим в грубой форме отказывала, третьих не впускала даже в свой двор. Когда она изъявила желание выйти замуж за слепого музыканта, все потенциальные женихи были удивлены принятым ею решением. Они затаили на нее и на ее мужа обиду. Она обожала своего мужа и через каждые два года рожала ему по ребенку. Даже тогда, когда Шахрузат родила восьмого ребенка, она не потеряла былую красоту. Многие мужчины до сих пор сохли по ней. Казалось, страсти по ней давно улеглись, время исцелило сердечные раны отвергнутых женихов, старое обросло мхом. Но каково было удивление сельчан, когда в один из дней на заре ее нашли у родника задушенной. Кто совершил это страшное преступление, осталось нераскрытой тайной.

По обычаям гор Рустам похоронил жену. На пятьдесят второй день у него в сакле собрались родные и близкие. Он зарезал бычка, раздал милостыню, пригласил сельского муллу и с чтением молитвы на ее могиле установили могильную плиту.

Семья Рустама с потерей хозяйки, матери полностью осиротела. Рустама горе раздавило так, что ему не хотелось жить. Он заболел, слег в постель. Все заботы о больном и разбитом горем отце, семье легли на хрупкие плечи Зайнаб. Зайнаб перед трудностями не поникла головой, бессильно не опустила руки. Она своим характером, настырностью пошла в мать. Она была вынуждена взять в свои руки бразды правления семьей, иначе в суровых условиях войны младшие братья бы померли с голоду. Зайнаб долго выхаживала отца, как ребенка кормила с ложки. Приложив невероятные усилия, подняла его на ноги.

Дочь преподавала отцу суровый урок стойкости перед трудностями жизни. Он понял, что только ежедневная борьба за жизнь сохранит его семью от нищеты и голода. И по настоянию дочери они взялись за свое ремесло.

Они стали бродячей музыкальной труппой. Ходили из селения в селение; по вечерам у приютивших их кунаков, в сельском клубе устраивали импровизированные музыкальные представления. Их известность, авторитет рос изо дня в день. Во всех селах принимали их как желанных гостей. За предоставленную музыкальную программу кто благодарил их деньгами, кто меркой муки, кто куском вяленого мяса. В округе почти не было поющих и играющих на музыкальных инструментах людей. Поэтому в любом селении появление бродячей труппы становилось событием.

Но слепому ашугу с дочерью больше всего нравилось собирать зрителей у себя в сакле. Сельчане тоже любили коротать у очага ашуга Рустама зимние вечера, слушая душераздирающие песни Зайнаб, виртуозную музыку слепого музыканта, стоны страждущего чунгура. В тяжелые годы войны чунгур слепого ашуга, песни Зайнаб растапливали застывшие сердца сельчан, их музыка объединяла, придавала им силы бороться и трудиться.

Чунгур в руках слепого музыканта, животрепещущие песни Зайнаб творили перед сельчанами чудеса.

«Я хочу быть Солнцем, согревающим тебя в стужу», – пел чунгур.

«А я хочу быть Луной, открывающей тебе просторы ночи», – вторила ему Зайнаб.

«Я хочу быть Млечным путем, прокладывающим тебе дорогу к суженому», – звенел чунгур.

«А я хочу быть живительной каплей воды, утоляющей твою жажду в степи», – упоительным голосом пела Зайнаб.

«Я хочу быть ветром, гоняющим от тебя грозовые тучи», – раздирал душу чунгур.

«А я хочу быть слезой, умирающей на твоих губах», – с придыханием вторила Зайнаб.

В своих песнях слепой ашуг и его дочка клеймили позором тайных врагов, сеющих раздор, панику среди части населения, неподготовленной к тому, чтобы жить и работать в суровых условиях войны. Они бичевали дезертиров, уклонистов, бандитов, которые в облике оборотней темными ночами бродили по глухим лесам, прятались в пещерах, грабили колхозные амбары с хлебом, нападали на активистов села, убивали их, вели антисоветскую пропаганду.

Мужчины в саклю слепого ашуга приходили не столько слушать его виртуозную игру на чунгуре, сколько слушать чарующие песни его дочери, любоваться ее неземной красотой. Саклю слепого музыканта облюбовали и многие женщины и девушки села. Только они приходили в эту саклю не столько слушать песни Зайнаб, сколько ревниво следить за очарованными Зайнаб их мужьями и сужеными. Они боялись, как бы эта искусительница не совратила их мужчин! Соперницы не могли не признать красоту Зайнаб, ее чарующий голос, ее явное превосходство над ними. За это они Зайнаб боялись и ненавидели. Все соперницы Зайнаб не могли не признать, что она своей дьявольской красотой не только похожа на мать, но и во многом ее превосходит. В ее характере видели неповторимость покойной матери, в ее сердце – своенравность, непокорность, слышали тот же голос, в ней видели ту же гордыню и задиру. Прямо вылитая мать!

В селах округа Зайнаб была у всех на слуху: на годекане у мужчин, на роднике у женщин. Она не оставляла их в покое даже по ночам во сне: она снилась многим джигитам, с ней боролись ее соперницы. К ней безразличными оставались только самые бесстрастные мужчины и слепые женщины.

Зайнаб была девушкой, похожей на молодую, гладкую, белоствольную березу. Она многих мужчин своим светлым, чуть продолговатым красивым лицом, огромными манящими глазами сводила с ума. Все в ней было необычно: величественная осанка, вызывающая зависть соперниц, степенная походка, выводящая их из себя. У нее была небольшая, чуть удлиненная головка, гордо восседающая на лебединой шее. Прямой, высокий, выточенный, как из белоснежного мрамора, лоб придавал ей силу загадочности и величественности. Разлет ровных лучистых бровей, огромные бездонные с магическим свечением глаза, спрятанные под длинными густыми ресницами; гладкие, кровь с молоком, щеки, выструганные рукой скульптура – все в ней говорило о породе и неповторимом великолепии. Самыми приметными были миндалевидные глаза: манящие, светящиеся умом, пронзительные, ищущие, зовущие, колющие. В них одновременно сочетались власть, страсть, нежность, недоверие, отчуждение. Они были жгучими и в то же время холодными. Эти глаза были замечательны тем, что в них всегда горела живая мысль; они, как звезды, неожиданно затухали и зажигались под вихрями мыслей и необузданных страстей. В них жизнь была ключом. В них отражались влажные вихри горных вершин, дикая жгучесть прикаспийских степей, глубина морей, грохот водопадов.

О, эти миндалевидные глаза! Они мужчин сшибали с ног всей силой своего разума, всей глубиной внутренней страсти, делали их послушными, податливыми. Мужчина, оказавшийся в глубоком омуте этих глаз, навсегда становился их пленником. Чтобы не стать рабами этих чарующих глаз, чтобы не потонуть в глубине их омута, многие неженатые мужчины покидали родные места, уходили на фронт, уезжали в другие края. Куда бы они ни убежали от манящего взгляда этих глаз, он настигал их, разил своим внутренним огнем, лишал разума. Они, не выдержав разлуки, душевных мук, бросали вновь обжитые места, сломя голову торопились домой, чтобы еще раз окунуться в омут этих глаз и навсегда погибнуть.

О, какие были эти миндалевидные глаза! Ее глаза, в зависимости от света, места, настроения, состояния души, удивительно меняли свой цвет. Они становились ласковыми, колючими, грустными, манящими, горделивыми, чарующими, уничижительными.

А как Зайнаб поет, как она изливает душу! Так, как поет Зайнаб, не могла петь ни одна девушка на свете! Ее завораживающий голос, ее песни, своей силой, мощью, тембром, могли поднять человека высоко к звездам, мерцающим на небосклоне. Они самого слабо-сильного мужчину могли делать смелым, самого сильного гордеца лишить воли. Они могли мужчину заставить одновременно смеяться и плакать. Небольшая упругая грудь, плоский живот, мощные длинные ноги с великолепными линиями, уходящими к низу живота, плавные движения тонкого изящного стана при ходьбе, тугие, как стальные жгуты, икры ног, великолепная поступь – все в ней поражало мужчин.

Зайнаб, ее песни стали неотъемлемой частью духовной пищи, визитной карточкой ее родного села. Своей красотой она радовала глаза мужчин, убивала женщин, ее песни возвращали к жизни людей, измученных войной.

Она являлась темой бесконечного обсуждения для многих женщин. Ее песни радовали их сердца, вселяли в них силу, звали на трудовые подвиги. Была идеалом красоты, обаяния, изящества и предметом бесконечных сплетен.

Песни Зайнаб служили мощным идеологическим оружием советского народа в борьбе с внутренними и внешними врагами страны. В своих песнях она высмеивала фашистов, клеймила позором бандитов, дезертиров, трусов, восхваляла мужество, героизм красноармейцев. Юношей вдохновляла на самоотверженные дела, героические подвиги. Припертые к стене силой духа ее песен, многие уклонисты, дезертиры вновь возвращались на фронт, и с именем Зайнаб на устах в рукопашную шли на врага.

Слепому музыканту с очаровательной дочерью стали приглашать на все мероприятия, которые проходили в районном центре. Вместе с агитбригадами района их отправляли по селам, на кутаны, туда, где решалась судьба урожая, ковали победу над лютым врагом.

* * *

Слепой музыкант с дочерью своей необычной музыкальной и песенной программой не на шутку напугали врагов советской власти. Зайнаб в своих песнях высмеивала уклонистов от колхозных работ, пособников врагов клеймила позором. За это враги ненавидели ее, вынашивали тайные планы расправы над ней. Против народной любимицы, популярной певицы, о которой заговорил весь район, мало кто из них мог пойти открыто. Как только наступали сумерки и над селом проносился мелодичный голос Зайнаб, у ее недругов по телу пробегала дрожь, пальцы рук сводило судорогой так, что кровь сочилась из-под ногтей.

Зайнаб каким-то внутренним чутьем различала, кто ей друг, кто враг. Она их мысленно распределяла по одну и по другую сторону баррикады. От врагов она держалась на расстоянии, от них уберегала и друзей. Недруги тоже настороженно относились к ней, старались не попасться ей на глаза.

Двери сакли ашуга Рустама были распахнуты для сельчан. Любой, кто переступал порог его сакли, там находил душевный прием. Рустам с дочерью своих посетителей часто угощали стаканом чая. Наиболее нуждающимся Зайнаб давала мерку муки, угощала, чем богаты. Когда гости после концерта уходили, отец с дочерью провожали их со всеми горскими почестями. Как говорят, у одаривающего человека рука никогда не скудеет. Поэтому в сакле слепого музыканта всегда был хлеб и душистый чай.

Песни Зайнаб являлись своего рода щитом, водоразделом, ограждающим ее от враждебного мира, ее отдушиной, выражением ее непреодолимой тоски по тому, к чему ее душа тянулась. Она часто тосковала по Муслиму. Горский этикет до замужества не позволял

девушке встречаться с любимым. Огромным препятствием являлись соперницы, которые ей не давали свободно дышать, ребята, которые были влюблены в нее. Зайнаб могла видеть Муслима у себя в сакле только среди почитателей ее таланта, во время представления концертной программы в сельском клубе. Понимая, что за ней и Муслимом следят десятки глаз, она в сердце умело прятала свои тайны, девичьи тревоги. Будучи страстной и чувствительной натурой, в душе беспрестанно боролась со своими противоречивыми мыслями, бунтарским характером.

Когда Муслим из-за своей занятости долго не мог посещать саклю дяди Рустама, Зайнаб грустила, а по ночам, когда все засыпали, горько плакала. Ее сердце разъедала непреодолимая тоска, тревога подтачивала ее нервы. Она знала, многие девушки в селении сохли по Муслиму. И боялась, любая из них может его сбить с толку, окрутить.

Зайнаб старалась держать свои страхи, тревоги в глубине сердца, но разве от родного отца такую тайну утаишь? Отец по тембру голоса дочери, настроению, характеру исполняемых песен безошибочно определял, что случилось с дочкой, что ее радует, что тревожит, перед кем распаивает свою душу, перед кем замыкает. Отец чувствовал, как радуется дочка, когда к ним в саклю заглядывает сын покойного Рамазана и вдовы Сельминаз, как она злится, когда еще издалека слышит скрип хромовых сапог задиры Мурсала, переступающего порог их сакли.

При появлении Муслима слепой ашуг чувствовал, как начинала светиться его дочка. Голос ее менялся, начинал звенеть как серебряный колокольчик. Она беспрестанно вбегала и выбегала из своей комнаты, за вечер несколько раз меняла наряды. И пела так страстно, в песню вкладывала столько нежности, любви, что под гипнотизирующим ее голосом присутствующие на концерте замирали. Все понимали, ради кого Зайнаб так старается. Создавалось такое впечатление, что под воздействием ее чарующего голоса рассеиваются грозовые облака, небо очищается, за облаками выглядывает солнышко. Ее голос звучал так ласково, так страстно, порой он становился таким волнующим, душераздирающим, что слепой отец боялся, вдруг у дочери от нахлынувшего счастья не выдержит сердце. Он чувствовал, как быстро менялся климат в сакле, как она заполнялась теплом, любовью. Будто под воздействием песни Зайнаб стены сакли обогревались, границы села становились шире.

– Салам алейкум, дядя Рустам, – после концерта Муслим подошел к старику и протянул крепкую жилистую руку.

– Вaleyкум салам, сынок, – ашуг усадил рядом с собой Муслима. – Что-то ты в последнее время стал забывать о старике Рустаме. Живы ли твои домочадцы, тучнеет ли твой скот, хорошо ли подкован твой скакун? – слепой музыкант каждый раз, встречая сына покойного Рамазана, соблюдал этикет дагестанского гостеприимства.

От таких теплых слов дяди Рустама у Муслима на душе становилось тепло и уютно.

– Спасибо, дядя Рустам, – в тон отвечал Муслим. – Все домочадцы живы и здоровы, скот тучнеет, скакун крепко держится на ногах. Забывать Вас, нет! Я никогда не забуду Вашу заботу обо мне. Просто много дел накопилось...

– Я понимаю, тебе нелегко с больной матерью, плюс к тому еще колхозные дела, домашние заботы...

– Доченька, – он мягко кликнул дочь, находящуюся в соседней комнате, – соберика нам на скатерть что-нибудь на скорую руку. Слышишь, какой гость, какой дорогой гость к нам заглянул!

Дочка горела желанием заглянуть в гостиную. От волнения сердце чуть не выскочило из груди. Но ей не положено, она всеми силами удерживала себя от опрометчивых шагов.

– Хорошо, папочка, – серебряным колокольчиком зазвенел голос Зайнаб, и, что-то веселое тихо напевая под нос, она засуетилась у очага.

Муслим с дядей Рустамом сели на тавлинский тулуп. Зайнаб со скатертью забежала в гостиную, вся алая от смущения постелила перед ними белую скатерть, принесла чайник, стаканы и выбежала вон. Муслим разлил чай по стаканам. Они со стариком за приятным разговором опустошили ни один стакан душистого чая из мяты. Любопытный старик за чаем из уст Муслима получил все фронтовые сводки, узнал новости района.

Зайнаб каким-то чутьем угадывала, когда предположительно их собирается навестить Муслим. К его приходу она всегда держала почти готовым мясо в кастрюле, на столе лежало тесто, раскатанное и разрезанное на квадратики. Оставалось только тесто бросить в кипящий бульон. Так, за короткое время, она успевала приготовить хинкал с чесноком, как нравилось Муслиму, испечь чуду из кислого молока и горных трав. А отец из своих запасов доставал холодное пенистое виноградное вино в глиняном кувшине.

Зайнаб, смущенно отворачиваясь от прямого взгляда Муслима, быстро убрала чайник, стаканы, сахарницу, заменила скатерть, в глиняных чашках поставила хинкал, в подносе чуду, лаваш, отцу скороговоркой протараторив что-то смешное, выбежала из гостиной комнаты.

Она, стоя в дальней части хозяйской комнаты, из-под дуги густых ресниц украдкой поглядывала на Муслима. Их взгляды встретились, Муслим улыбнулся ей. Она смущенно зарделась, сердце затрепетало, кровь ударила в виски...

Ашуг Рустам знал, что Муслим и его дочка давно горячо и нежно любят друг друга. Он был рад тому, что молодые тянутся друг к другу. Но Муслиму редко удавалось выкраивать драгоценное время на встречу с любимой. Ему в поте лица приходилось зарабатывать кусок хлеба для своей семьи. Мама давно и тяжело болеет. За ней нужен хороший уход, врачи ей назначили дорогостоящее лечение. Поэтому сын с раннего утра до позднего вечера работал на колхозном поле, отрабатывая трудодни: пахал землю, сеял, убирал хлеб. Он не меньше других сельских ребят желал слушать душераздирающие песни Зайнаб, виртуозную музыку ашуга Рустама. Но семейные обстоятельства не часто позволяли ему быть рядом с любимой, наслаждаться ее голосом.

А когда Муслим находил время для встречи с любимой, по пожелтевшему лицу, покрасневшим от слез глазам, темным кругам под ними видел, что Зайнаб тоскует по нем, по ночам плачет, измывается над собой. От чувства вины на его душе становилось еще тяжелей.

Муслим пришел в саклю дяди Рустама и в следующий вечер.

Зайнаб от него никак не ожидала такого подарка. Как только она увидела профиль Муслима в проеме входных дверей сакли, она от счастья заулыбалась. Куда исчез ее тоскливый взгляд, жгучая боль в груди? Она с гордостью взглянула на него, кокетливо приподняла подбородок, дугами выгнулись лучистые брови, огнем загорелись глаза. Ее лицо засияло, чуть припухшие алые губы расцвели бутонами, показывая ровный ряд жемчужных зубов. От перемены настроения Зайнаб на душе Муслима стало так светло, что он тут же позабыл о семейных проблемах, о которых собирался говорить с дядей Рустамом.

Зайнаб от счастья засияла так, что вся сакля наполнилась светом; ее голос зазвенел как бокал с вином; плечи расправились; невольно выпятила грудь, кокетливо приподняла голову; к ней вернулась осанка гордой, недоступной принцессы. От нахлынувшего счастья, не находя места, она весело смеялась, бегала из комнаты в комнату, из угла в угол. Ее чарующий голос весь вечер будоражил сердца молодых ребят и девчат. Ее щемящие душу песни под волшебное звучание чунгура до поздней ночи разносились по горам и долам.

В этот вечер волшебный голос Зайнаб согревал сердце не одного Муслима. Здесь сидели джигиты, которые за один взгляд, за одно прикосновение руки Зайнаб отдали бы ей все, что у них есть. Песни Зайнаб являлись живительным нектаром для многих сельчан. Они вдохновляли тружеников села: чабанов, пастухов, пахарей, косарей, тех, кто недавно с фронта получил похоронки на погибших братьев и отцов.

Слушая песни Зайнаб, люди на время забывали о своем горе, военных неудачах Красной Армии, беспрерывно угнетающем их голоде, непосильном труде на колхозных полях.

Чарующий голос Зайнаб звучал из приземистой сакли ашуга и волшебной птицей поднимался на высокие горы, летел в бескрайние долины, мириадами разноцветных бриллиантовых бусинок дрожал на травах, листьях деревьев, лепестках цветов. Звуки песен оседали на горные вершины каплями дождя. Они становились брызгами волн моря, семицветными радугами, перекидывающимися от одного края пропасти на другой. Они вешними водами с ледяного зазеркалья гор с грохотом скатывались в глубокие ущелья, становясь тучными туманами, грохочущими водопадами. Ее песни плечом к плечу сражались в сомкнутых рядах земляков на фронтах с немецко-фашистскими ордами.

Ашуг Рустам чувствовал, что о любви между его дочкой и сыном Сельминаз стало известно сельчанам. Надо было ее сватать, медлить было нельзя. Он не понимал, почему Сельминаз медлит со сватовством. Ашуг Рустам больше всего страшился соперниц дочери, их злых языков. Соперницы тем занимались, что с утра до вечера бродили по сельским переулочкам, собирая и разнося разные слухи о влюбленных, обливая их грязью. Старик, умудренный жизненным опытом, понимал, что любовь в начале своего развития уязвима и хрупка. Злые языки в самый неожиданный момент могли навредить отношениям молодых, накликать на них беду. Поэтому слепой музыкант в меру своих сил старался их уберечь от злых языков людей, отвести от них беду. Из дня в день ждал сватов от Муслима, а Сельминаз что-то медлила. Рустам не знал, что Сельминаз давно собиралась послать к Зайнаб сватов, но боялась, что за их бедность им откажут.

Любящий отец понимал, нужно искать скорейшее решение этого шепетильного вопроса. Решение этой задачи быстро нашла Зайнаб. Она знала, почему тетушка Сельминаз медлит со сватовством. Девушка, посекретничав с подругой, под предлогом обмена шерстяной нити нужного цвета заслала ее к тетушке Сельминаз. И подруга тетушке Сельминаз открыла глаза. Сельминаз передала через посланницу, что в четверг к Зайнаб отправляет сватов. Но неожиданные обстоятельства заставили ее ускорить свое решение.

Подружка Зайнаб каким-то образом узнала, что вечером бухгалтер колхоза Мурсал засылает к ней сватов. Она поняла, промедление сватовства для влюбленных смерти подобно. Поэтому она накинула на плечи материнскую шаль и огородами пробралась к ограде сада дяди Рустама. Зайнаб в это время, к счастью, находилась во дворе. По выражению лица подружки Зайнаб поняла, что случилось что-то ужасное. Зайнаб, не чувствуя ног, устремилась к подружке. То, что она услышала от подружки, повергло ее в ужас.

Зайнаб в проселочных переулках за своей спиной давно чувствовала скрип тяжелых кованных хромовых сапог губошлепа Мурсала. И была наслышана о его намерении на ней жениться. Она его ненавидела с первого класса школы и всерьез его никогда не воспринимала. А на этот раз крепко задумалась. Отец Мурсалу должен был большую сумму денег. С этим долгом он никак не мог расплатиться. Мурсал мог шантажировать отца своим долгом.

И для этого случая подружки разработали план немедленного действия. Они решили, что подружка Зайнаб сейчас же пойдет к тетушке Сельминаз и расскажет о назревающей угрозе ее семье. В это время в сакле находился и Муслим. Когда Муслим услышал про неожиданную новость, у него на секунду остановилось сердце. Он не знал, что дядя Рустам находится в долговой кабале у Мурсала. Он передал подружке Зайнаб, что сегодня же после обеда к ней отправит своих сватов.

* * *

Мурсал с первого класса в школе был влюблен в Зайнаб. Он хотел с ней сесть за одну парту. Но учительница ее посадила рядом с Муслимом. Мурсал с этого момента воз-

ненавидел его. Мурсал сделал несколько попыток поговорить с Зайнаб, но эта наглая девчонка упорно не замечала его. Так прошла и вся школьная жизнь. Если в школьные годы Зайнаб игнорировала Мурсала, после окончания школы она стала презирать его. Мурсал страшно переживал, задумывал одну месть ужаснее другой. Мурсала от досады страшно трясло, когда Зайнаб во время исполнения песен смотрит на Муслима, а не на него. Когда он чувствовал, что эти миндалевидные глаза, полные любви и огня, пухлые алые губы принадлежат не ему, а его врагу, он плакал от бессилия. А какой у нее стан, какая шея, грудь... нижняя губа Мурсала похотливо отвисла. На ней собралась капля слюны, она тонкой струей потекла на его грудь. О, какое он получил божье наказание! Первая красавица округа ночью засыпает не с его образом в сердце, а с образом его врага. И ее песни, как живые молитвы, звучат не ему, а его врагу. Она сохнет не по нему, пьет любовный нектар не с его уст, утоляет жажду, томящую души, не с его рук... Этот выскочка Муслим с самого детства стоит поперек его дороги. В учебе, во всех спортивных состязаниях его соперник был впереди. И школу Муслим закончил на круглые пятерки.

Мурсал думал, после окончания школы у него с Муслимом жизненные дороги разойдутся. Муслим поедет в город, продолжит учебу в высшем учебном заведении. А он заочно поступит на бухгалтерские курсы и останется рядом с Зайнаб. А там, в городе, он надеется, Муслим позабудет сельскую девчонку. А он женится на Зайнаб. Она ему родит кучу сыновей. Но нет же! Опять пути двух соперников скрестились! Муслим по каким-то семейным обстоятельствам в этом году решил не поступать в вуз. Далеко идущие планы Мурсала остались планами. Он не сумел расстроить отношения между Зайнаб и Муслимом, наоборот, они еще сильнее укрепились. Ничего, этот слепой музыкант находится в его руках. Если он не согласится выдать за него свою дочь, он ему устроит такой кордебалет. Тысяча рублей, которые ему должен этот слепец – не малые деньги! Но от мысли, что Муслим находится рядом с Зайнаб, ее руку держит в своей руке, в лунную ночь красавица выходит на прогулки не с ним, у него случился нервный припадок. Он решил отомстить. Нанести им такой удар, от которого они долго не оправятся.

А в это время отец с дочерью вели спешные приготовления к другому знаменательному событию. По селению мальчишки разнесли слух, что в честь победы Красной Армии на Северном Кавказе сегодня в обеденное время в сельском клубе слепой музыкант с дочерью дают колхозникам большой концерт. На концерт пришли и Муслим, и Мурсал. Зайнаб в толпе людей глазами поискала Муслима, когда их взгляды встретились, улыбнулась и смущенно отвела в сторону. Мурсал неотступно следил за своим противником. Казалось, он пришел не на концерт, а вести слежку за влюбленной парой. Когда он увидел влюбленные взгляды, бросаемые Муслимом и Зайнаб друг на друга, у него от ревности бычьи глаза налились кровью. Его ненавидящий взгляд встретился со взглядом Муслима. Муслим выдержал враждебный взгляд противника и в ответ брезгливо усмехнулся. У Мурсала от такого унижения голова пошла кругом. Он от негодования перестал видеть и слышать. Он не заметил, как Зайнаб открыла концерт песней, когда-то молодым ашугом посвященной ей. Он чувствовал, что стоит весь багровый, что сельчане на него указывают пальцем. Он взглядом тупо уперся в одну точку, делая вид, что слушает певицу. Между тем в клубе многие зрители видели, как между давнишними противниками накаляется напряжение.

То, что в клубе сгущаются тучи и назревает гроза, не могла не видеть и Зайнаб. Мурсал, с характером гиены, в любую минуту мог выкинуть глупость, которая бы опорочила ее честь. Она в панике думала, как разрядить обстановку.

Об этом думал и отец Зайнаб. О том, какой Мурсал скандалист и задира, любящий отец хорошо помнит. Бесцеремонные взгляды, бросаемые Мурсалом в сторону Зайнаб, Муслима не на шутку разозлили. Сегодня он перед этим выскочкой не собирается отступать. Если Мурсал переступит черту приличия, Муслим проучит его.

Отец по знаку дочери объявил перерыв. Зайнаб в длинном до пят платье с двумя подружками прошуршала в кабинет директора клуба. Зайнаб с подружками придумали план, как избавиться от Мурсала, чтобы он не расстроил концерт. Они вызвали к себе соседского мальчишку, и его со спешным поручением направили в дом главного бухгалтера колхоза. Через пять минут от отца главного бухгалтера пришел посланник, и тот Мурсалу на ухо что-то сказал. Мурсал спешно покинул зал. Все в клубе облегченно вздохнули. Через минуту продолжили концертную программу.

Чем известней становилась Зайнаб в районе, тем больше находилось врагов, завистниц. Соперницы на роднике занимались тем, что перебивали ей кости. Пуская разные слухи, они натравливали Мурсала на Муслима и нетерпеливо ждали часа, когда соперники перегрызут друг другу глотки, а Зайнаб останется одна. Соперницам того, что они вытворяли против Зайнаб, стало мало. И они перешли на более изощренные методы психологической атаки. Стали распространять небылицы о любовных похождениях Зайнаб. Та, мол, притворяясь певицей, прикрываясь слепым отцом, ходит по селам, совращая мужчин. А за предоставляемые услуги... с них берет деньги.

В народе говорят, «если кошка решает съесть своего котенка, она обваливает его в золе и съедает». Тайные враги так поступили и с Зайнаб.

Муслим, как условились, своих сватов отправил к дяде Рустаму. Рустам сватов принял с большими почестями. После соблюдения всех процедур сватовства, раздачи подарков, поздравлений, ашуг, растроганный счастьем своей дочери, даже спел песню. Обе стороны обсудили детали предстоящей свадьбы, назначили день свадьбы. Сваты вежливо попрощались и стали расходиться. Дядя Рустам с чунгуром в руках за ворота вышел их провожать. Вышел, но не вернулся назад...

Его всем селом всю ночь искали, но не нашли. На зоре нашли за селением, повешенным на ореховом дереве. К его груди была приколотая записка: «Кто переступит порог сакли слепого ашуга, свой конец найдет под этим деревом!» А под ногами повешенного ашуга сиротливо лежал разбитый чунгур с оборванными струнами.

В селении главным виновником преступления сочли Мурсала. Но вскоре эта версия отпала. Потому что, когда во двор Мурсала ворвались разъяренные сельчане, напуганная до смерти мать Мурсала долго не могла объяснить, где находятся ее муж и сын. Когда она немного успокоилась, сообщила, что сын получил из военного комиссариата района повестку на фронт. Нашлись и свидетели, которые вчера вечером увидели Мурсала с отцом на конях, направляющихся в сторону районного центра.

Появились и другие версии: на такое преступление мог пойти и хромой мулла Гамид с его подозрительными друзьями. Но вскоре и эта версия отпала. Потому что Гамид вторые сутки гостил у своего друга в соседнем селении. Рустама могли убить бандиты, дезертиры, уклонисты от войны, которые прячутся в лесных массивах и пещерах Табасарана. Они могли наказать Рустама за острый язык, пародии на них.

Потеря отца для семьи, особенно для Зайнаб, стала страшным ударом, от которого, решили сельчане, она вряд ли оправится. Когда сельские плакальщицы оплакивали отца Зайнаб, у нее глаза были совершенно сухие, а сердце застыло, как ледяной осколок. Она не плакала даже тогда, когда отца из сакли выносили хоронить на кладбище.

Родные, близкие погоревали, поплакали над могилой несчастного ашуга, раздали милостыню и разошлись по домам. Зайнаб по обычаю гор не участвовала в похоронах отца. Но с братьями посетила могилу отца вечером и ревела на ней до поздней ночи.

В селении никто не верил, что Зайнаб оправится от такого горя. Все думали, что она сломается, пропадет, а семья распадется.

Нет, недруги ошиблись в своих прогнозах. Да, с потерей отца Зайнаб изменилась. Изменилась так, что мало кто узнавал прежнюю веселую, задиристую девчонку. Она

замолкла, закрылась, отгородилась от всех друзей и привычек. Ко всему, что не касалось ее семьи, она стала глухой, никому недоступной. Кроме самых близких людей, никого в саклю не впускала, ни на какие уговоры подружек не реагировала. Она стала затворницей, рабой своего невосполнимого горя. Свой чунгур и бубен спрятала в стенном шкафу под замком. Зайнаб осиротела, осиротела ее сакля. Она стала похожа на мельницу, от желобов которой отвели воду.

Зайнаб была в глубоком трауре. Она рано утром с братьями выходила на колхозное поле, поздно вечером возвращалась. На поле ни с кем не общалась, никого к себе не подпускала. Без звучных песен певуни сельчане поникли, а село проглотил мрак. Сельчане без песен Зайнаб чувствовали себя, как будто их лишили солнца, глотка свежего воздуха.

Без отца, его напутствий Зайнаб потерялась: стала бояться реальной жизни. Для нее день превратился в бесконечную ночь. В сакле слепого ашуга больше не звучит животрепещущий трезвон чунгура, милый голос Зайнаб. Если жители села давно привыкли к жестоким условиям военного времени, для Зайнаб эта война только-только начиналась...

После гибели слепого ашуга так называемые фанаты, почитатели таланта Зайнаб, устами жадно ловящие ее песни, стонущие, трепещущие перед ее неподражаемым голосом, исчезли, растворились. Никто из них даже ради приличия не поинтересовался, жива ли их богиня, как она живет, чем ей помочь.

Перед трудностями, которые стеной стали перед Зайнаб, один Муслим не сдался, не растерялся. Он не испугался угроз, козней тайных врагов, не ощутил ступора поражения. Он поклялся отомстить убийцам дяди Рустама. Он предполагал, где могут прятаться убийцы дяди Рустама. И он, вооруженный двустволкой, в окрестностях селения днем и ночью рыскал по глухим лесным массивам, где они могли прятаться. Это было делом его чести, это было делом чести Зайнаб.

Однажды Муслим понял, что напал на след убийц ашуга Рустама. Он несколько дней шел за ними по пятам, настиг, жестоко отомстил. Но их предводитель, самый жестокий и коварный враг, избежал кары. В тот момент, когда Муслиму показалось, что он захлопнул капкан, тот чудом спасся и скрылся в лесах соседнего района.

В день, когда Муслиму исполнилось восемнадцать лет, он отправился в военный комиссариат района, где ему вручили повестку на фронт. Оставалось подготовить мать к разлуке. С Зайнаб тоже предстоял тяжелый разговор.

Разве что-нибудь утаишь от чуткого сердца матери? По горящим глазам сына мать почувствовала, что сын вернулся из районного центра с важной новостью для нее. Она ждала, чтобы он первым начал разговор. Сын не выдержал выжидательного взгляда матери, обнял за плечи, прижался щекой к ее щеке и во всем признался. Мать поняла, раз сын так решил, значит, такова его судьба. Она без лишних слов, без слез обняла сына, благословила перед дальней дорогой. Мать обратила внимание, как сын похож на отца: лицо, глаза, разлет бровей, прямой нос, чуть припухшие губы, даже созвездие Большой медведицы, которое запечатлелось у него на шее.

– Мама, поговори, пожалуйста, с Зайнаб... У тебя это хорошо получится... Я должен выполнить свой долг перед Родиной... Даже этот губошлеп Мурсал отправился на фронт. Хотя маловероятно...

– Сынок, Зайнаб умная девушка, она поймет тебя... Храни тебя Бог... Надо подготовиться к твоей отправке. К тому же вечером на твои проводы придут друзья.

Друзья Муслиму устроили трогательные проводы. Они на дорогу собрали ему деньги, теплые вещи, пожелали удачи и разошлись по саклям.

Когда разошлись друзья, Муслим направился на свидание к Зайнаб у условленного места. После восхода луны на их заветное место, у ясеня за селом, пришла и Зайнаб. Она тихо обняла возлюбленного, щекой прижалась к его груди. По тому, как она дрожит, было

понятно, как она волнуется, переживает за него. Внешне она держалась спокойно: ни слезинки на глазах, ни всхлипов, ни причитаний. Она крепилась, чтобы перед разлукой не ранить сердце Муслима. Вдруг за белесыми облаками выглянула луна. У Зайнаб на прядях волос, которые выбились из-под платка, бровях, ресницах заиграли серебряные лучи. Надо было уходить, при лунном свете ее могли увидеть с Муслимом.

– Береги себя, Муслим, – одними губами прошептала Зайнаб. – Мы с твоей матерью будем молиться за тебя.

Это были единственные слова Зайнаб, которые Муслим услышал со дня гибели ее отца. Она приподнялась на цыпочках, холодными губами прильнула к его щеке, что-то мягкое и теплое сунула ему в руку и быстро растворилась в туманной дымке.

– Я вернусь, Зайнаб, обязательно вернусь!

Муслим глазами, полными слез, смотрел вслед Зайнаб, пока шорох ее шагов не растворился во тьме.

* * *

Рано утром Муслим на коне председателя колхоза отправился в районный центр. В шести километрах от селения, на развилке двух дорог, там, где в расщелину скалы закидывают камешки удачи, раздался одиночный ружейный выстрел. Муслим вздрогнул, побледнел как белое полотно, на черкеске, с левой стороны груди, образовалось темное пятно. Руки, ноги – все тело стало свинцовым. Он странно закачался в седле, грудью упал на луку седла, накренился и свалился под ноги коня. Предательская пуля, пущенная с макушки скалы, оборвала жизнь джигита...

Когда до Зайнаб дошла страшная весть, она застыла на месте, словно восковое изваяние. На место преступления за телом Муслима отправились все сельчане. Его привезли на колхозной арбе. На юрте занесли в саклю тетушки Сельминаз. Зайнаб как села у изголовья любимого, глядя ему в лицо немигающими глазами, так и оцепенела. Причитания хоры, устроенные родными и близкими у изголовья покойного, проходили мимо ее сознания. Она не голосила, в горе не царапала лицо, на голове не рвала волосы, даже не издала ни единого стога. Она опустилась на колени перед Муслимом, неосознанно качалась из стороны в сторону. Иногда ему давала ласковые имена, звала в горы, на их любимые с детства места; упрекала, что в последнее время он не часто заглядывает к ним в саклю, не слушает ее песни; обещала, что к следующему его приходу сочинит новую песню, посвященную ему... Только, когда под общую молитву улемов тело покойного стали выносить из комнаты, она повисла на носилках, умоляя, чтобы его оставили в покое. Она висела на нем как живая мумия с округлившимися от изумленного вопроса глазами. Но когда до сознания дошло, что ее любимый должен найти покой на кладбище, она без слов отпустила носилки, ни на кого не глядя, направилась к порогу комнаты. У порога в пояс поклонилась покойному и тихо вышла.

В день похорон Муслима из районного центра в село прискакали важные чиновники в мундирах. Они посетили место гибели Муслима, делали какие-то замеры, что-то записывали в блокноты, спорили, опять мерили. Потом отправились в сельский Совет, туда вызывали тех, кто первым обнаружил убитого, друзей Муслима, и после повторных расспросов отправились обратно в райцентр. На следующий день за селом в лесу раздалась пулеметные очереди, ответная пальба. А вечером к административному зданию сельсовета на колхозных арбах привезли несколько трупов убитых бандитов, пленных. Среди пленных находились несколько жителей этого населенного пункта. А среди убитых бандитов оказался и Мурсал...

Зайнаб носила траур по отцу и Муслиму как неизбежную предопределенность небес, как долг дочери перед загубленным врагами отцом, как память перед предательски убитым

женихом. Стресс, полученный от этого удара, притупил все ее чувства. Горе растворило время и временные границы, они стали необозримыми. В ее сердце никак не умещалась мысль, как она могла потерять таких дорогих для нее людей.

Она никак не могла уразуметь, как случилось так, что она находится по одну сторону мира, а отец с Муслимом – по другую сторону. Но когда в один из дней туман, повергший ее сознание во тьму, растаял, паутина, сотканная черной вдовой, расплелась, над ее головой неудержимым грузом нависло страшное ощущение невосполнимой утраты. Только теперь до нее дошло, какое горе настигло ее и ее семью. От этой мысли сосущая под ложечкой боль, тупая, сводящая с ума, ломающая сознание, оглушила ее. Перед глазами завертелись черные круги, бессильно подкосились ноги, она упала на пол. Сознание помутнело.

Зайнаб, когда очнулась, не помнила, сколько времени она пролежала в бессознательном состоянии. Вокруг нее беспомощно суетились братья, кто брызгал ей на лицо воду, кто плакал, кто в страхе вылупился на нее. Первая мысль, которая пришла к ней, когда она очнулась – с ней рядом нет ни отца, ни Муслима. Ее сознание пронзал ужас, в сердце – опустошение.

Со временем ужас одиночества, потеря дорогих людей лишили ее главного стержня – желания дальше жить. Зайнаб за короткое время сильно изменилась, она стала неузнаваемой: бескровное лицо с огромными глазами, заостренный нос с раздувающимися ноздрями. Неизменными остались ее осанка, осанка королевы, и красивая, горделиво приподнятая головка.

Она все время молчала. На вопросы братьев, родных отвечала двумя краткими словами: «да», «нет». Она не знала, как жить дальше, без опоры, без знания жизни, без надежды.

А некоторые недоброжелатели даже в ее молчании искали какой – то горделивый шарм. Она носила траурное одеяние, к которому привыкла, как к ежедневной привычке рано утром вставать, будить братьев, кормить их завтраком, ночью ложиться в опостылевшую постель.

Даже траурное одеяние не портило былую ее красоту. Своим умением носить даже траурные наряды она приводила в изумление сельских красавиц. В скором времени все девушки, молодые женщины села стали подражать Зайнаб в одеянии. Только одна Зайнаб, находящаяся в мире грез и воспоминаний, вокруг себя не замечала никаких изменений.

Редко выходила из дома и почти ни с кем не общалась. Рано утром с зарей, пока все сельчане спят, вечером, когда все закроются за створками дубовых ворот, она с кувшином шла на родник. Она забыла, что такое петь. Ее песни умерли вместе с отцом, любимым, разбитым чунгуром и оборванными на нем вражеской рукой струнами. Ее песни превратились в слезы, ледяными крупичками, застывшими в израненном сердце. Нет, иногда она, погруженная в думы, напевала что-то очень тихое, печальное, вызывающее у случайного слушателя спазм в горле, дрожь в теле. Но это была не песня, не жалоба, не причитание, это было что-то неземное, туманящее сознание, щемящее душу. В такие минуты душевного излияния сестры и братья замирали, тихо садились в соседней комнате и глотали слезы.

Зайнаб понимала, что она обязана держать себя в руках, выстоять перед ударами судьбы. Она обязана не только выстоять, но и придать силы тетушке Сельминаз, душевно укрепить младших братьев. Теперь она кормилица семи голодных ртов, восьмой была тетушка Сельминаз.

Враги хотели видеть ее растоптанной, униженной, доведенной до отчаяния, от одного двора к другому ходящей с протянутой рукой. Они никак не могли понять, где черпает Зайнаб свои силы, кто помогает ей с таким достоинством бороться с терзаниями жизни. Они были в гневе. Стали придумывать для нее такое наказание, под тяжестью которого она вряд ли поднимется.

В одну из темных туманных ночей, какие в начале весны в горах бывают часто, враги разобрали плоскую крышу ее коровника и на веревках подняли на крышу и увели послед-

нюю корову, кормилицу семьи. Но в тот же день тетушка Сельминаз отправила Зайнаб двухгодовалую телку, которая к весне принесет приплод.

Зайнаб и этот предательский удар врагов стойко выдержала. По крайней мере, в селеении из ее уст никто не услышал ни одного слова жалобы на судьбу, на ее глазах не увидел ни одной слезинки. «Не дождетесь!» – она в упор смотрела врагам в глаза. «Не дождетесь!» – шептали ее твердо сомкнутые уста. В ее царственной осанке, горделиво приподнятой голове, печально притупленных за пушистыми ресницами огромных глазах было столько неподдельной стойкости, грации, презрения к врагам и соперницам, что они были сражены ее стойкостью.

Знали бы недруги, какая чистая, пылкая натура таится за этим неприступным взглядом, за крепко сомкнутыми губами, какое нежное естество, какая хрупкая, незащищенная душа прячется за этой, казалось бы, непреступной стеной. Видели бы они, какие страсти скрываются за тенью длинных ресниц этих огромных глаз, какие бури разыгрываются в ее горделивом сердце, какой огнедышащий вулкан мщения зреет в ее узкой девичьей груди.

Вместе с тем Зайнаб очень сильная натура. Она искусно скрывала от недругов свои чувства, страсти, страхи, слабости. Она держит сердце в накрепко сжатых зубах, нервы наматаны на веретено со стальными спицами. Она по жизни с ее трудностями идет напролом, допускает немало ошибок, но не отступает, не унижается ни перед кем.

Братья накормлены, одеты, обуты, обстираны не хуже соседских детей. В ее семейном очаге не затухает огонь, сакля, двор содержатся в чистоте, скот ухожен, везде и во всем она сохраняет согласие и порядок. Зайнаб в таком же состоянии держит и саклю тетушки Сельминаз, ее хозяйство, огород. Она с братьями-подростками от зари до зари, а в лунные ночи и по ночам, трудится в колхозе. Они безотказно выполняют все, что им поручает бригадир: на волах пахут землю, сеют семена, собирают хлеб, обмолачивают, засыпают в колхозные закрома, заготавливают на зиму корма. Так проходят годы: один, два, три, пять...

* * *

Закончилась смертоносная война. В страну пришел долгожданный мир. Домой один за другим возвращались фронтовики. А жизнь Зайнаб осталась неизменной. Она, как и в годы войны, от зари до зари работала на колхозном поле, а после до глубокой ночи была занята семейными делами. Она жила одной мыслью в сердце – мыслью о мести. В эти годы ее глаза лишились света, голос – разума, но она осталась непоколебимой, уверенной в том, что убийца его любимого будет наказан. Она темными ночами в постели придумывала самые невероятные способы мщения, представляла, как убийца Муслима валяется у ее ног, плача и прося прощения.

Сумерки. Ночь, мрак. Это для Зайнаб было самым нежеланным временем суток. Когда наступали сумерки, а потом мрак поглощал все село, она на скорую руку стряпала ужин, кормила братьев, отправляла их спать. С этого момента начинались ее мучения. Она становилась рабыней своего одиночества, своей одинокой постели, необузданных страстей. Она ворочалась в постели, с головы до ног обливалась горячим потом. Вставала, отмеряла расстояние спальни из угла в угол. Когда становилось невмоготу, раздевалась догола, становилась в тазик, обливалась холодной водой. Нервы были расшатаны так, что без причины то плакала, то смеялась, то в одной ночной рубашке выбегала во двор и до чертиков в глазах, отупения мозгов вглядывалась в ночное небо.

Так проходили темные ночи. Ее жизнь была похожа на дождливые безлунные ночи. Они были тусклы, бесконечны, как горные тропы зимой, как снежные бури, как волчий вой сквозь дремоту. Они пугали ее, а сердце лишали покоя. Они чередой повторялись как туман-

ные зимние ночи. Перед ее глазами шелестели как мертвые листья на ветвях деревьев в зимнем саду. Они уносились как студеные воды горной реки, закованной в ледяной панцирь.

Она сроднилась со своей холодной, горькой жизнью, сиротливой постелью так, как сродняются лед и звон ручья, как шелест морской волны и безответный песчаный берег, как одинокая гора и ее седеющая вершина, как вол и ярмо. Она свыклась со своей участью как орлица со сломанным крылом. Она за темным горизонтом перестала видеть другой горизонт.

Зайнаб порой гордилась своим одиночеством, стойкостью своего сердца, негибаемой волей, способностью выдерживать невероятные тяготы жизни. Она видела, что она ни на кого из женщин в селении не похожа, что она значима, неповторима. Быть может, это и есть та высшая цель, которую определили ей свыше?

Эта хрупкая девушка траур по отцу и жениху носила как символ преданности и стойкости горянки, как знак, нанесенный на нее небесами. Она к своему трауру привыкла, как молящийся к молитвеннику, как обыкновенный человек привыкает к смене дня и ночи, как горянка к водоносному кувшину. Траур по убитым близким стал неотъемлемой частью ее сущности и бытия.

Раннее утро. Зайнаб спокойна и невозмутима. С ее сомкнутых губ не сорвешь ни единого слова. Ее движения размеренны, поступь свободна, сердце работает ритмично, огромные глаза под чадрой густых ресниц широко распахнуты, а сердце ничего не видит, ничего не чувствует. Вешний ветер треплет ее щеки, густые волосы с головы многочисленными ручьями стекают на спину, плечи, грудь. Солнечные лучи облизывают кожу ее лица. Она стоит в кругу сельских девчат, хохочущих по любому поводу и без повода. Она не замечает их шалостей, двусмысленных шуток. Она смотрит на внешний мир бесстрастно, не выражая эмоций.

Сегодня 1 Мая – праздник весны и труда. Молодежь собралась на майдане, намереваясь устроить пляски под гармошку и барабанную дробь. Правление колхоза с аксакалами села сегодня утром решили устроить перегон колхозного и сельского скота на летние отгонные пастбища. Поэтому село еще с утренней зари гудело как пчелиный рой. Скотники были заняты своими хлопотами, одни любопытствующие гурьбой собрались к месту выгона сельского скота за селом, другие – у колхозных коровников. Вездесущий дядя Гамид, сельский мулла, перебегал от одной группы любопытствующих к другой. Любители острых ощущений увлеченно обсуждали предстоящие бычьи бои. В это время недалеко от взрослых детвора натравливала молодых бычков друг на друга. Они спорили, заключали пари, выясняли, чей бычок сильнее. Все собравшиеся за околицей села были в приятном ожидании начала боев матерых племенных быков.

По желанию активистов колхоза председатель правления на праздничные мероприятия пригласил знаменитых зурначей из селения Улуз. С самого утра с сельского майдана были слышны звучные трели зурны, ритмичная дробь барабанов. Лихие джигиты, восклицая «Асса!», один за другим пускались в пляс. Их, хлопая в ладоши, вскрикивая «Асса!», поддерживали джигиты, собравшиеся в круг. Каждый из них нетерпеливо ждал своей очереди танцевать. Недалеко недавно женатые мужчины по прямой дороге, идущей в соседнее село, на огнеметных скакунах устроили джигитовку. Со всех концов огромной поляны слышен свист, гомон детворы, гонящейся верхом на прутьях, бешеный топот, храп разогранных и взмыленных скакунов; хохот победителей конных забегов и горькие возгласы разочарования побежденных; веселый визг девушек-хохотушек.

Немаловажные баталии разворачивались и на другой части поляны. Когда на арену боя вышли племенные быки, на поляне поднялся такой шум и гвалт детворы, что не вытерпели даже самые ярые любители музыки и танцев. Они бросили танцевальную площадку и побежали смотреть на драки быков. Чувствуя настроение окружающей среды, особенность дня, быки зычно ревели, копытами нетерпеливо рыли землю. Одни быки с налившимися

кровью глазами, снизу вверх мотая могучими рогами головами, делая круги, сближались на драку. Другие трубно ревели, острыми отточенными рогами и передними копытами рыли землю, резкими толчками забрасывали ее себе на бока и спины. Третьи в сопровождении сельской детворы, преследуя друг друга, носились по сельским переулочкам. Четвертые, не находя себе пар для стычки, нетерпеливо ревели, рогами отламывали небольшие куски дерна и забрасывали себе на спины; над их головами пыль стояла столбом.

В летней колхозной базе коровы, бычки, годовалые телята, одурманенные весной, просясь наружу, звучно мычали. Наиболее нетерпеливые коровы, бодаясь рогами, подталкивали годовалых телят к деревянным запорам. Вдруг под напором стада коров деревянные запоры лопнули, и они, сметая на своем пути все заграждения, вырвались наружу.

Этой праздничной суматохе больше всего радовалась детвора. Они, босоногие, неугомонные, поднимая над собой столбы пыли, гурьбой носились по сельским переулкам за джигитами, которые скакали на взмыленных скакунах. Мычание коров, тревожная возня овцематок и ягнят, потерявших друг друга, нескончаемые бои быков, их поражения и победы, веселый хохот, обиды хозяина проигравшей стороны – все это подзадоривало детвору и молодежь на самые суматошные игры и приключения.

Солнце поднялось над горизонтом, с майдана опять донеслись трели зурны и тревожная дробь барабанов. Праздник весны набирал свои обороты. Больше всего этого дня ждали неженатые ребята и девчата на выданье. Девушки на выданье с начала весны тайно от матерей, вездесущих любопытных младших сестер и братьев, готовились к празднику весны. Шили, заказывали новые платья, у кого не было отреза на платье, перекраивали старые платья, шили, приводили в порядок старую обувь. Они в волнении провели всю ночь, еле дождались утра, чтобы с кувшинами наперевес пойти на родник и поделиться с подружками накопившимися за вечер новостями.

Неженатые парни, водрузив на головы каракулевые папахи, разодетые в парадные черкески, подпоясанные узкими кожаными ремнями, инкрустированными серебром и золотом, обутое в скрипящие при ходьбе хромовые сапоги, важно направлялись на сельский майдан. У каждого из них на правом боку висел короткий кинжал в серебряных или золоченых ножнах. У некоторых за плечом висело ружье. Когда группа ребят приблизилась к девушкам, смущенно поджидающим их на сельском майдане, девичий гомон на мгновение прекратился. Все засмутились. Одни девчата стыдливо отвернулись, другие спрятались за спинами подружек.

Напряжение молодежи, как всегда, снял сельский балагур Ярахмед. Он незаметно вышел из круга, позади девушек; на голову нахлобучил папаху, вывернутую наизнанку, исподтишка подкрался к ним, высунулся из-за кустов и заржал как лошадь. И все завизжали. Напряжение как рукой сняло. Кто-то из парней бросил острую шутку, другой – крепкое слово с перцем. И разом прошло общее смущение. Все растаяли, расцвели.

Сегодня помолвленные девушки могли общаться со своими сужеными, а ребята и девчата, не успевшие познакомиться, обзавестись любимыми, даже пригласить танцевать лезгинку. Один огненный взгляд, брошенный в сторону приглянувшейся девушки или парня, один жест, одно простое движение меняло настроение, судьбу молодых на всю жизнь.

В то время, когда девчата, собравшись на майдане в круг, секретничали между собой, одни молодые ребята под кустами, в кругу друзей, пропускали стаканчик сухого вина, делились впечатлениями праздника, вторые на роднике выглядывали невест, третьи чистили ружья, обьезжали коней, устраивали борцовские состязания.

В этот день и правление колхоза не ударило лицом в грязь. Оно ударникам труда вручило подарки, грамоты. На праздник зарезали быка. За майданом, под навесом, устроили походную кухню. На треножки были поставлены огромные казаны, там варилось, пари-

лось, жарилось мясо. Запахи готовящегося мяса распространялись по всему селу. На запах мяса подтягивалась взрослая часть населения села, за ними и вездесущие собаки.

Теперь вся молодежь собралась на танцы. Ребята в праздничном кругу стали смелее, девушки непринужденнее. По указанию распределителя праздничного мероприятия зурначи заиграли лезгинку. На танец вышел сельский балагур Ярахмед, за ним вторая, третья пара... И пошла, завертелась огненная пляска. В кругу одна пара сменяла другую, музыканты играли вдохновенно. За кустами вездесущие мальчишки подтрунивали то над одной, то над другой парой, строили им рожицы, насмехались, стараясь их вывести из себя. Девушки рдели от проделок проказников, смущенно отворачивались, глаза прятали под пушистыми ресницами. Под неусыпным оком этих мартышек они стеснялись смотреть на своих суженых, стояли так, что не знали, куда себя девать. Находились и смелые девушки, которые не обращали никакого внимания на проделки мальчишек. Они кто робко, кто кокетливо старались держаться рядом со своими избранниками, оказывая им знаки внимания.

Глазастые шалуны больше всего измывались над заносчивыми, напыщенными парнями. Они без придилок не оставляли и тех, кто в обычной жизни был тише воды, а сегодня от выпитого вина вдруг осмелел.

Влюбленные взгляды девушек, украдкой бросаемые в сторону группы ребят, огненные стрелы, ломающиеся у их сердец, румянец на щеках, «охи», «ахи», взмахи рук в танце, легкость движений... Так сердца открывали свои тайны, губы расцветали бутонами роз, в глазах вспыхивали искромётные огни...

Молодежь своей энергией заразила и женатых взрослых мужчин. После изрядного количества выпитого вина они тоже вспомнили свою молодость. Включились в танцы, на быстроходных скакунах на спор устраивали скачки, настоящую джигитовку. На скаку вскакивали в седла, бросали в воздух шапки, по ним открывали пальбу, фехтовали на шашках, под трели зурны пускали скакунов в пляс. А потом с диким гиканьем и свистом наперегонки носились по кривым переулкам села.

В это время сельские и колхозные пастухи, чабаны вместе с прикрепленными к ним ребятами перегоняли сельский и колхозный скот в сторону летних отгонных пастбищ...

* * *

На зеленой лужайке резвились телята, ягнята, козлята. Над ними, почти касаясь земли, с пронзительным щебетом носились ласточки, стрижи. Стайка сельских воробьев, нахохлившись, рядом устроила потасовку. Козлята стремительно носились по тонким тропам, проложенным по террасам над поляной. Они на бегу резко останавливались, поднимались на задние ноги и с треском ударяли друг друга тонкими рожками.

Дурманные запахи весны, присутствие красиво разодетых девушек кружили головы молодым ребятам. К кульминации праздника многие девушки видели, что ребята, опьяненные весной и любимыми, так увлеклись общим весельем, что стали почти ручными.

В это время за селом, на небольшой поляне, творилось что-то невероятное. Там в небольшую группу собрались отбитые от колхозной стаи молодые быки. Одни, с налитыми кровью глазами, бешено ревели, вызывая на бой соперников, другие у небольшой глинистой террасы рогами, передними копытами рыли глину, закидывая ошметки себе на спины. Третьи страшно бились между собой. Их подбадривала восторженно орущая ватага детворы. На их крики туда побежали ребята постарше. Победивший в поединке бык, долго гоняясь, выталкивал из общего круга побежденного, потом возвращался на арену, выискивая себе очередного соперника.

За спинами глазающих на бой быков промелькнула серая тень. Она подкрадывалась к группе девушек, стоящих в стороне от майдана, в тени молодых грушевых деревьев. Это

был хромым мулла Гамид. Он был легок и резв, будто на днях не отмечал семидесятилетие. А что же его сюда привело? Что он интересного нашел в женском обществе?

На роднике среди вездесущих сельских сплетниц ходят слухи, что хромым мулла охоч до сладких женщин, не прочь лакомиться и молодой костью. У него на лице умиротворенная улыбка; одной лъстиво улыбнется, другую из кармана черкески одарит горсточкой конфет, третью по спине погладит узкой чумазой рукой. Он готов вылезть из кожи, чтобы хоть одна из молодых женщин на него обратила внимание. Некоторые пугливые и брезгливые девчата от него отворачивались. А неробкого десятка затевают с ним разговоры, даже шутиливо приглашают на танец. Умудренные опытом жизни женщины, шушукаясь между собой, его сопровождают любопытными глазами.

Хромым мулла, расправив высохшие, как жерди плечи, выпятив худую грудь, между женщин важно ступает на длинных скрипучих костлявых ногах. Чувствуется, что он с трудом справляется с волнением. Не скудоумный же, что бы ни понимать, что он перешел дозволенную для мужчины границу, тем более границу, определенную для человека его положения и возраста. Поэтому он когтистыми чумазами клешнями нервно расчесывает длинную седую козлиную бороду, бряцая висающим на тонкой кадыкастой шее серебряным колокольчиком. Он старается быть смелым, важным, значимым, как конь, величественно гарцующий в кругу сельских красавиц.

Гамид гноющимися хитроватыми глазами украдкой заглядывает в глаза то одной вдове, то другой. Он испытывает девушек: одной из-под черкески показывает отрез для платья, другой – шелковый китайский платок. Под колдовские чары искусителя женских сердец в основном попадали вдовы, семьи которых военная разруха довела до крайней черты. Он обхаживал женщин до тех пор, пока кто-нибудь из них не попадал в его силки. Испытанный жизнью змей искуситель среди молодых женщин безошибочно выискивал именно ту, которая сама шла ему в силки. От такой жертвы он просто так не отвяжется.

Но почему-то он сегодня не следовал испытанным годами правилам. Сегодня змей искуситель наметил жертву в лице Зайнаб. Это была опасная игра умудренного жизненным опытом змея с сильной, волевой, своенравной девчонкой. Зайнаб в кругу молодых женщин бесстрастно слушала ничего незначащий женский лепет. Она старалась не замечать хромого Гамида, она к нему стояла спиной. Он ей как человек никогда не нравился, она презирала его. Но сейчас она не могла вынести его холодного взгляда, сверлящего ей спину. Неожиданно глаза Зайнаб встретились с глазами этого неприятного на вид человека. Он загипнотизировал ее взглядом, она на мгновение замерла. Она не испугалась его магнетических чар, не отвела взгляда, а всего лишь презрительно усмехнулась ему в лицо.

Зайнаб представляла, что за человек хромым Гамид. Отец был очень хороший рассказчик. Он ей часто рассказывал о диких животных своего края. А когда поведал о змеях искусителях, об оборотнях, перед глазами Зайнаб мутно сверкали холодные, немигающие глаза хромого Гамида.

Один раз Зайнаб из окна своей сакли заметила плетущегося по переулку хромого Гамида. Он был похож на серого ползущего змея, выискивающего добычу. Находясь на сельском переулке, она еще издали чувствовала его холодный колдовской, крадущийся взгляд, неприятный запах, исходящий от него, скрежет чешуи о мелкие придорожные камешки. Он так был неприятен ей, что она сразу же переходила на другой переулок.

Сегодня у нее было совершенно другое настроение, такое, будто в нее бес вселился. Она была в ожидании чего-то важного, неминуемого события, которое ей переменит всю жизнь. Вдруг позади себя увидела хромого Гамида. Вместо того чтобы отвернуться, покинуть его, она, не задумавшись о последствиях, заговорила с ним:

– Дядя Гамид, ты такой смешной! – рассмеялась ему в лицо. – Что ты за мной скребешь своими чешуйками, как старый змей? Раз мой жених погиб, некому меня защитить?! Ты

подумал, меня можно заинтриговать, за мной можно безнаказанно увиваться? Ты не так уж прост, как на первый взгляд кажешься! Ха-ха-ха, – заразительно рассмеялась Зайнаб. – А, может, как на старого быка в стае коров, на тебя подействовала весна? И в твоём дряхлеющем сердце весна разожгла жалкую кровь? Может, ты среди сельских насекомых почувствовал себя петушком с золоченым гребешком? Или, скажем, увидел себя молодым орлом, пикирующим с высоты небес на беззащитную куропатку? Может, на тебя весна подействовала, как куст рододендрона на козла в гурте сельских коз?

Певуче растягивая слова, она так искусно заиграла наивными глазами, из-под длинных густых ресниц на него бросала такие искрометные взгляды, что тот задрожал от похотливой нетерпеливости. У него сладострастно отвисла нижняя губа, открывая пару кривых коричневых зубов, с которой на подбородок тонкой струей противно стекала слюна.

– О, красавица, не говори обидные слова, ранящие сердце... Я не петух среди насекомых, и не орел, пикирующий на куропаток, и не козел в гурте сельских коз. Я всего лишь вековой дуб, отогревающий свои бока под лучами весеннего солнца. Я всего лишь странник, любующийся красивым цветком, растущим на лугу среди диких цветов и трав. Он благоухает передо мной, он своей красотой затмевает все остальные цветы. От его вида и запаха, как в молодости, я теряю покой, в сердце закипает кровь, тело бросает в дрожь, в глазах зажигается огонь!

Его похотливый взгляд блудливо ползал по ее высокой груди, открытой лебединой шее, а шлепающие, как раскатываемое тесто, губы противно складывались в трубочку. Создавалось такое впечатление, дай возможность, и они как пиявки выпьются в ее сочные алые губы, и, пока вдоволь не насытятся ее кровью, не отлипнут.

Сердце Зайнаб сжалось от отвращения к этому мерзкому созданию. Что-то отталкивающее, одновременно загадочное, манящее было во всем его облике, сладострастном взгляде. Вдруг она поймала себя на мысли, что этот взгляд не просто взгляд старого похотливого человека, а в нем есть что-то большее, липкое, вызывающее в ней бурю и протест. Ей показалось, что эти глаза ее не только бессовестно раздевают, а заглядывают за грань дозволенной черты, куда никто, кроме родной матери, не имеет право заглядывать. Этот мерзкий человек переступает грань, которую не позволительно переступать никому из мужчин.

От этого похотливого взгляда отмирающего самца по всему телу, начиная с кончиков пальцев ног до макушки головы, пробежала противная дрожь, а промеж лопаток образовалось липкая влага, и она по позвоночнику потекла струей. От стыда, что у нее вдруг внутри распалился огонь, она не знала, куда девать глаза. Зайнаб машинально потянулась к голове, привычными движениями рук сдвинула край белой шелковой шали на глаза. Ноги задрожали, в бедрах, выше них загорелся такой огонь, от которого ее лицо покрылось стыдливой пурпурной краской. Она почувствовала, как наливаются ее груди, крепчают соски. От этого в глазах потемнело, сердце учащенно забилося. Она зашаталась, не помня себя, на непослушных ногах сделала несколько шагов в сторону. Благо, что перемены в ее лице, скачки сердца, кроме этого змея искусителя, никто из девчат, увлеченных собой и общим весельем, не заметил. Иначе ей в селе не избежать колкостей интриганок, язвительных шуток острых на язык женщин.

Гамид обладал такой невероятной магической силой, речи его были так сладки, паутина, набрасываемая им, была так искусно сплетена, что многие женщины, попавшие в эту сеть, там находили свой конец. И сельчанам, в силу нужды, приходилось обращаться к нему по многим вопросам: приворотам, отворотам, заговорам, заклинаниям, за волшебной бумагой от сглаза. Им приходилось занимать у него деньги, брать в долг зерно, муку до осеннего урожая. Многие в условленное время не могли расплатиться с долгами и попадали к нему в кабалу. Мужчины становились его черной рабочей силой, а женщины его домработницами, служанками, наложницами.

О его слабостях, алчной натуре знали активисты села, но молчали. Они его преступные деяния, в силу некоторых причин, утаивали от уполномоченных представителей района. Потому что сами во многом от него были зависимыми. Все его боялись, почти всех сельчан он держал в кулаке. Одни знали о его могуществе и связях с «лесными людьми», другие боялись его мести, предательской пули, пущенной в спину.

Этот хитрый змей искуситель, сколько бы зла не приносил, сколько бы неприятностей не делал, в глазах многих женщин оставался непререкаемым авторитетом села, чистым, святым. Но какие бы уловки он не придумывал против Зайнаб, какие бы козни не строил, одну ее не смог запугать, покорить себе. Она перед ним была непреклонна как скала, недоступна как звезда. В ней была такая несокрушимая сила, такая непоколебимая воля, что он засомневался, покорится ли когда-нибудь она его воле.

* * *

Зайнаб молча, самозабвенно несла траур. Она отказалась от пищи, пила лишь одну сырую воду. Сон давно покинул ее. Но перед какими бы трудностями, перипетиями судьбы она не стояла, ее молодой организм от жизни брал свое, он развивался независимо от ее желания жить. Как бы она не закрывалась, ее растущий организм тянулся к солнцу, свету, а сердце находилось в поисках жизненных троп.

Этой весной Зайнаб так похорошела, что мужчины села от ее лица не могли оторвать глаза. Ее душевная и телесная красота, изумительные формы и линии тела, нежность, огонь в глазах сшибали с ног всех поклонников. Глаза ее стали ярче, шире и глубже, цвет лица намного светлее, мягче. Стремительный взлет бровей, изгиб лучей ресниц, рисунок прямого с трепетными и узкими ноздрями носа, сочность алых губ – по ночам у Гамида перед глазами стояли все эти прелести и не давали покоя. Эта богиня, сошедшая с небес, дьяволица во плоти, дева редкой телесной красоты зажгла в дряхлеющем сердце старца страстный огонь. Чем бы он не занимался, где бы не находился, перед его глазами маячило лицо этой девушки искусительницы.

В последнее время жизнь Гамида превратилась в сплошной кошмар. Каждый раз, как закроет глаза, он видел один и тот же сон. Он видел, как Зайнаб в лунную ночь заходит к нему в спальню, раздевается догола, ложится в постель и крепко прижимается к нему животом. Она просила, чтобы он сорвал с нее запретный цветок, обнимал ее так крепко, чтобы от удовольствия у нее трескали кости тела, терзал ее плоть так, чтобы от неги она стонала... В темные ночи со всех углов спальни комнаты на него соблазнительно глядели ее глаза. Он от избытка чувств, выпирающих из него, бессилия перед ней впадал в нервный припадок, в изнеможении катался в постели, дергал бороду, рвал ее в клочья.

Люди иногда по ночам замечали крадущуюся тень за домом Зайнаб. По селу поползли самые нелепые слухи, подогреваемые сплетницами и завистницами Зайнаб. За ее спиной стали раздаваться обидные смешки. Люди, знающие Зайнаб, заступались за нее, все, что задевало ее честь, отвергали. Они догадывались, кто стоит за распускаемыми грязными слухами, и кто хочет запятнать Зайнаб. Понимали, среди тех, кто свел счеты со слепым ашугом, Муслимом, был и Гамид. Не Гамид ли, пользуясь тяжелым материальным положением семьи Зайнаб, хочет закабалить ее? В селении знали, если Гамид заинтересовался какой-либо женщиной, он не останавливался ни перед какими преградами.

Свадьбу, которую в селении собирались сыграть после окончания войны, сельчане ждали с большим нетерпением. Сегодня с раннего утра все жители села заняты приготовлениями к свадьбе. Готовят свадебные кушанья, подготавливают места для танцев, джигитовки, навесы для угощения. Подружки невесты наряжают невесту, друзья – жениха.

Хромой Гамид, вместо того чтобы находиться на месте сбора сельских мужчин, вдруг замаячил на стороне женщин. Он позабыл о своем сале, возрасте, оттирался в группе молодых женщин и девчат. Оказывается, среди них находилась жертва его тайных вожделений.

Посмотришь на Гамида – старая рухлядь. А сколько в нем козлиного упрямства, петушиной напыщенности! Зайнаб в кругу девчат держалась весьма предусмотрительно. Зная о коварных планах хромого Гамида, она пыталась предвосхищать все его хитрые маневры. А этот шайтан не собирался отступать. Она делала огромные усилия, чтобы не развернуться и не дать ему увесистую пощечину. Сегодня Зайнаб оказалась расторопнее Гамида. Стоило ему на минуту отвлечься, как она незаметно ускользнула из общей толпы.

Чем больше Зайнаб ненавидела хромого Гамида, тем более он становился навязчивым, неотступным. Когда Зайнаб переигрывала его, он всю свою злость вымещал на тщедушной козлиной бородачке, дергая ее и выдергивая из нее пучки седых засаленных волос.

Казалось, сегодняшний весенний день привел в движение все уголки земли. В ее глубине все кипело, все бурлило. Энергия земли по ее артериям передавалась в горные вершины, покрытые вечными ледниками, с которых грохотом скатывались в низины многочисленные родники, ручейки, реки. Горные вершины, луга, леса одевались в бархатистую зелень. Вся природа была настояна запахами цветов, свежестью молодых побегов деревьев, оживлена жужжанием пчел, других насекомых.

Вместе с природой преображались и люди. Казалось, весна не коснулась одной Зайнаб, что она все еще живет под воздействием зимы. Не чувствовалось признаков весны ни на ее мраморно-белом лице, ни в ее ушедших в свои печальные мысли глазах. Ей, похоже, приятно оставаться рабыней своих страданий, осколком разбитого сердца, сгустком невыплаканных слез. О другой судьбе, отличной от нее, она и не мечтала. Предположить не могла, что даже на отрезок времени может стать другой. Как цветок, созревший осенью, прозябала под бесконечными холодными дождями, ее нежные лепестки увядали без солнечного тепла. Так прошли шесть бесконечных, беспробудных лет.

Зайнаб ходит с высоко поднятой головой, чуть приподняв красиво выточенный подбородок. Только крепко сомкнутые губы, сдвинутые к переносице брови, недоверчивые огни в глазах говорят о том, насколько ей тяжело.

Когда та во всем черном с кувшином за плечом собирается на родник, все девушки на выданье прилипают к оконным рамам своих саклей. Это их матери заставляют наблюдать за Зайнаб, как она ходит, как одевается, как разговаривает со встречными. А потом эти наивные создания целый день с сестрами копируют мимику, походку, жесты Зайнаб.

За годы траура в психике Зайнаб произошли необратимые процессы. Кто ее знал шесть лет назад, с трудом сегодня бы ее узнал. Она была молчалива, замкнута, отчужденна. Ее внутренний мир находился в бесконечной борьбе с ней. Внешняя красота была ее проклятием, ее мучительницей, ее инквизитором. Она поникла как подстреленная лебедь, более сильной соперницей выкинутая из гнезда и прозябающая под дождем. Ее взгляд всегда был потуплен, мало кто видел жизнь в ее спрятавшихся за длинными пушистыми ресницами глазах. Под натянутыми стрелами бровей ее глаза не ласкали, а ошпаривали любопытный взгляд. В ее глазах затаилась неотомщенная обида. Только, когда она одна оставалась со своими думами, под чадрой ресниц иногда вспыхивал неожиданный огонь. Как раньше, в них отражалась неподдающаяся никому сила и непоколебимая воля. Порой, отвлекаясь от грустных дум, они, как глаза затравленной орлицы, горделиво впились в пики гор, тающих в мареве горизонта.

Село окутали вечерние сумерки. Зайнаб сидит перед небольшим квадратом окна. На подоконнике едва тлеет керосиновая лампа. У нее глаза неожиданно зажглись огнем, губы растянулись в улыбке. Перед ее глазами ожила животрепещущая картина из прошлой жизни. Они с Муслимом в сумерках любили встречаться за их сеновалом, окруженным со всех сто-

рон старыми грушевыми деревьями. Там можно было прятаться от самых любопытных глаз. Они сидели, обнявшись, строя планы на будущее. Он говорил ей волнующие слова, признавался в любви, давал ей имена разных цветов, сравнивал ее красоту с красотой солнца, луны. Это были такие счастливые мгновения из их жизни, что от огромного счастья она рассмеялась. Это был первый смех Зайнаб за последние шесть лет. Тогда она со свидания пришла далеко за полночь уставшая, но счастливая, наполненная счастьем. Отцу объяснила, что задержалась на девичнике у подружки. Тот не отчитал ее, только попросил впредь быть более рассудительной. Она, благодарная отцу, не успела раздеться и лечь в постель, как заснула крепким сладким сном.

Знала бы тогда Зайнаб, что злой рок разлучит ее с Муслимом, она бы в ту ночь на спине увезла его за тридевять земель.

* * *

На востоке еле заметно забрезжила утренняя заря. За темными окошками сакли, в свете тускло мерцающего огня очага, редкие прохожие видели тень Зайнаб, которая отражалась на противоположной стене. Зайнаб вздрогнула и шерстяная турецкая шаль, подарок Муслима, соскользнула с головы на плечи. Руки плетью лежат на коленях; на ее уставшем лице мерцал еле заметный язычок пламени. Под глазами обозначились темные круги. Они припухли от слез. Ее истерзанное сердце нуждалось в элементарном человеческом тепле, ласке. Она в последнее время от тоски и одиночества сходила с ума. Как лодка застигнутая бурей далеко в море, из последних сил выбиралась из крутящей воронки. Если сейчас же не успокоится море, она засосет ее и больше никогда не всплывет.

Все, кто хорошо знал Зайнаб, единственный выход из создавшегося тупика видели в ее замужестве. Ей предлагали то одного, то другого жениха. Но Зайнаб была непреклонна. Она не верила тому, что кто-либо из мужчин согласится жениться на ней с семью голодными братьями на шее. Поэтому она в своем решении была непреклонна. Даже в такой тяжелой ситуации никто из доброжелателей не видел ее со слезами на глазах или упрекающую свою судьбу. Лучше умру, думала она, чем кто-либо из недругов увидит меня униженно плачущей, беззащитной!

Знали бы доброжелатели, как далеко за полночь Зайнаб начинают терзать муки одиночества. Она, чтобы не пугать братьев, закрывалась в коровнике и навзрыд плакала. Знали бы они, какие мысли мучают ее. Ее причитания, вытягивающие душу, были бесконечны, как завывания ветра в горах в зимнюю стужу, как проливные осенние дожди. От этого одинокого плача в ночи жуткая дрожь пробегала по телу. Из сельчан только самые выносливые выдерживали ее стенания. Они затыкали уши, чтобы ее не слышать. В причитаниях она звала к себе отца и жениха, жаловалась на свою тяжелую судьбу, боль сердца, одиночество. Ее причитания, жалобы были нескончаемы, как вой одинокой волчицы в зимнюю стужу, как завывания ветра над бурлящими водами Седого Каспия.

Ее ночные причитания, стоны истерзанного сердца, слова, как молитвы, как заговоры, хватали за душу. Сердобольных, слабовольных женщин они доводили до исступления. А когда к ее вою присоединялись все дворовые собаки села, от их магического воздействия замирало все живое в селении. Этот импровизированный оркестр, устроенный человеком и собаками, переворачивал души людей. Она своими стенаниями сердца людей разбивала как ледяные осколки. Эти причитания западали им в сердца, воспринимались как молитвы, как песни страждущей девушки по любимому, запоминались людьми, передавались из уст в уста.

Горькие были эти плачи, горше всех плачей на свете! Она в своих причитаниях жаловалась, как враги казнили темной ночью ее слепого отца, виртуозного чунгуриста, ашуга; как

горячая пуля, пущенная из-за угла, лишила жизни суженого; как ее глаза слепнут от горя; как дрожат ее целомудренные губы; как теряют цвет, красоту ее бархатистые щеки; как лишается свежести ее лебединая шея. С некоторых пор ее песни-плачи, как молитвы, как символы стойкости, преданности горской девушки по округе передаются от любимого любимой.

Чередой за чередой пролетали дни и ночи, осень сменялась на зиму, зима на весну, весна на лето – так уходили годы. Она не успела заметить, как выросли братья, как одна за другой вышли замуж ее сверстницы, как у них появляются, взрослеют дети. Только она оставалась одна, молчаливой, неизменной, холодной. Она жила, забитая горем, покинутая любимым. Она стала узницей судьбы, холодным туманом, затерянным в бескрайних прикаспийских низинах. Не видела выхода из мрака тумана. Ей казалось, за этим туманом сгущается другой туман, он намного холоднее и плотнее первого. Она стала похожа на струну, каким-то образом одиноко сохранившуюся на чунгуре, по ночам издающую душераздирающие стоны, похожа на горькую песню, замершую на кончике клюва лебедя, похожа на одинокую звезду, сошедшую со своей орбиты...

На первый взгляд казалось, что Зайнаб навсегда замкнулась в себе, что она забыла человеческий язык, что ее сердце замерло, что она стала бесчувственной, безразличной ко всему. Знали бы люди, какие страсти, какое пламенное, трепетное сердце бьется в ее груди! Нет, она казалась холодной, дерзкой только тем, кто ее не знал, бесчувственной только тем, кто не любил, потерявшей интерес ко всему только тем, кто никогда по-настоящему не жил. Видели бы они, когда она на проселочной тропе случайно столкнется с молодым мужчиной, как вздрагивает ее сердце, как оно наполняется кровью.

Тогда у нее где-то там, внутри, в животе, пониже живота, начинала вспыхивать противная дрожь; она постепенно поднималась по утробе, через кровеносные сосуды передавалась по рукам, ногам, поднималась все выше и выше, закрадывалась под сердце, тревожа его, будоража в нем кровь. Она подползала к сердцу, ударяя ее током, от него по всему телу передавался непонятный волнующий огонь, раздуваемый всколыхнувшими в жилах многочисленными искорками.

Она назвала эту силу, волнующую ее плоть, змеем-искусителем. Она расползалась по всем разветвлениям кровеносных сосудов. Вздрагивая от каждого удара, свирепея, змея проталкивалась по сосудам, проложенным во все направления тела: в ноги, в живот, пониже живота, будоража и воспаляя ее. Острыми и ядовитыми клыками впивалась в ее плоть, стараясь больнее ужалить. Извивалось тугими кольцами, проталкивалась вперед, стараясь выбраться на грудь, хватая алчными устами и подминая ее две трепещущие вершины с острыми коричневыми сосцами. Обвивалась вокруг ее талии тугими кольцами, впивалась в сосцы и высасывала из них то, чего она страшно стеснялась. Вот сейчас она грубо схватит ее за волосы, повалит на землю, затащит на тавлинский тулуп, лежащий у очага, подомнет под собой и будет ласкать до утра, до потери пульса.

Осознавала ли Зайнаб, что к этой весне она созрела как женщина, что она попала в кабалу своих природных желаний? Она могла не понимать, что ей нужен мужчина, что от нее природа требует делать то, что должна делать женщина, что ею должен обладать мужчина, что она должна любить его, слиться с ним в одно целое. Она была виновата тем, что молодость, ее перезревшая плоть добиваются от нее всего лишь элементарной мужской ласки, удовлетворения своих природных потребностей, счастья материнства.

Зайнаб как бы себя ни истязала, как бы ни вытравливала из себя природные инстинкты, заложенные в генах, женское начало, молодость брали свое. Эти желания, вышедшие из-под ее контроля, доводили ее до исступления, до умопомрачения. Небесам она уготована была быть женщиной, желанной женщиной. Это природное материнское начало предопределено сверху, божьей волей. Оно, независимо от ее воли и желания, управляло ее сердцем, ее плотью.

Ее глаза, полные тоски, были спрятаны под чадрой длинных пушистых ресниц. В ее груди кипела кровь, в огромных глазах горела невидимая, буйная и неподдающаяся ей, неуправляемая ею страсть. Линия ее тонкого, бледного, красиво очерченного лица, контур красивых тугих губ, слегка припухлых, страстных, желанных, бутонами вывернутых наружу, отображали целостность ее натуры. Гладкая и шелковистая кожа высоких скул, матовость щек, красиво очерченный, слегка приподнятый подбородок, высокая лебединая шея, тонкая игра света и теней на овале лица делали ее неподражаемой. Ее подтянутое белое, как мрамор тело, снежно-белая кожа лица, шеи, упрятанные под тонкой и облегающей черной кофточкой, тугие высокие с выпирающими сосцами груди, прямые длинные икринистые ноги поражали любого ценителя женской красоты.

Буйный нрав, непокорный, неподдающийся грубости характер, горячая, как у дикой необъезженной кобылы кровь, вместе с тем отзывчивость, готовность на самопожертвование ради родного человека – все это возвышало Зайнаб над другими женщинами. За это ее боялись, вместе с тем уважали и сторонились многие мужчины.

Зайнаб не помнит, когда она стала нетерпеливой и одновременно очень требовательной и неуступчивой для мужчин. Упрямство в ней было заложено с самого рождения, но своевольной, неотступной, скорее всего, стала после гибели любимого. Когда ее начинало волновать присутствие стоящего рядом сильного и молодого мужчины, сердце начинало бешено подпрыгивать, а буйная кровь в кровеносных сосудах мгновенно закипать. Она, толчками поднимаясь из глубин сердца, туго заполняя сосуды, горячими волнами устремлялась во все части тела: в купола туго выпирающихся грудей, сонные артерии, в каналы высокой лебединой шеи, к бледным вискам, к рдеющим щекам, волнами пульсировала на губах, доводя ее до истомы, до умопомрачения.

Она не могла не осознавать, что созрела как женщина, что ее женская природа нуждается в мужской ласке, а не в умерщвлении своей плоти, что она давно готова стать матерью. Не могла не задуматься, что это инстинкт материнства, жажда продолжения жизни, потребность любви восстали против нее. Не могла не догадаться, что в ней закипела, взбунтовалась молодая, девичья кровь, кровь, жаждущая удовлетворения, что против нее в облике змея искусителя восстали все гены, жаждущие содрать с нее все узы, сковывающие ее тело.

Многие джигиты родного и соседних селений жаждали Зайнаб, она снилась им по ночам. Красивая, высокая, вожденная, всех сводила с ума. Они жаждали ее, тосковали по ней, искали с ней встречи.

Она, отчаявшись, не зная, как прокормить малолетних братьев, может, пошла бы замуж за любого хозяйственного человека. Может, она согласилась бы выйти за вдовца, пожилого мужчину. В те беспросветные годы войны бессонными ночами к мысли о замужестве она возвращалась не один раз. Но кто ее возьмет с семьей голодными ртами? Всех сватов отпугивали от нее братья-сироты. А без них Зайнаб себя никогда не увидит счастливой. Но свата с крепким крестьянским хозяйством в этом округе мало где найдешь. Война одних мужчин выкосила, других довела до полной нищеты. Колхозы еле сводили концы с концами. Хлеба почти нигде не хватало. Люди, чтобы не умереть с голоду, ели траву, разные корни, некоторые пухли от воды и умирали. В таких условиях кто осмелится взять в свою семью столько голодных ртов? Были и такие, которые радовались ее горю, которые ее хотели видеть униженной, просящей подаяние.

* * *

Ее горю больше всего радовался хромой Гамид. Чем слабее духом, чем беднее будет Зайнаб, тем она будет доступней. Как он ждал такого дня, когда она приползет к нему, умоляя, прося куска хлеба для умирающих от голода братьев. Он был уверен, наступит такой

день, и она будет им раздавлена, растоптана. По селу прошелся слух, что он где-то поклялся, что скоро он затащить ее в свою постель. Тех мужчин, которым не нравилась его вызывающее поведение, он успокаивал угрозами, шантажом. Гамид это хорошо умеет. Он их напугал так, что они задумались, стоит ли им из-за горделивой девчонки испортить отношения с таким уважаемым человеком, тем более служителем дома Аллаха.

Зайнаб поняла, видимо, в отношении Гамида она переоценила свои возможности. С ним надо бороться по-другому: более тонко, изощренно, безбоязненно. Хромой Гамид, которого первоначально она принимала за шута, становился опасным противником. Она не могла предполагать, что старый человек, служитель бога, может быть таким бессовестным и падким на молодых женщин. Зайнаб не собиралась отступить перед Гамидом. Она готовилась с ним драться, если нужно будет, и с оружием в руках.

А Гамид не собирался оставлять ее в покое. Зайнаб всюду чувствовала его присутствие, его смердящую натуру. Стоило ей закрыть глаза, перед ней маячили его похотливые глаза. Она чувствовала его плоть, тянущуюся к ее плоти, жаждущую ее молодой крови. При случайной встрече с этим мерзким человеком у нее по телу пробежала холодная дрожь. С некоторых пор она стала испытывать перед этой ползучей тварью жуткий страх. Он каким-то образом подавлял ее волю, делал ее нерешительной, податливой. Как это ему удастся, она никак не могла уразуметь.

Хромой Гамид поступал с ней как психотерапевт, как гипнотизер. Он так тонко сумел изучить психику Зайнаб, что вся ее душа была у него как на ладони.

Зайнаб была не так бесчувственна, требовательна и строга к себе, как о ней говорят в селении. Она умело пряталась за ширмой, за которой, как она предполагала, ее никто не заметит. Никто, кроме хромого Гамида, не мог подозревать, какие страсти бушуют в ее тонком, нежном сердце, какие чувства ее подогревают, что толкает ее в объятия страсти. Она чувствовала жизнь, природу любви в такой утонченной форме, что порой у нее создавалось впечатление, это она создана не для обычной жизни, что природа, небеса готовят ее для свершений каких-то неземных дел.

Бессонными ночами многие мужчины мечтали о Зайнаб, жаждали ее ласк. Но мало кто осмеливался действовать дальше. После гибели отца и суженого она решила, что больше себе не принадлежит. Не обустроив братьев, она не собиралась даже думать о своем благополучии.

Зайнаб себя загнала в такой тупик, откуда нет выхода. Она несла свой траур как талисман, как символ самопожертвования, как табу, как печать святости и непорочности, наложенные на нее сверху, как знак бесконечной стойкости.

Могли ли братья видеть, чувствовать, как живет их сестра, на какую жертву она пошла ради них? Да, они не раз по ночам слышали, как безутешно плачет их сестра, как ей тяжело с ними. Но они ее ничем утешить не могли. Весь округ был в плену у нищеты. В условиях тотальной бедности сельчан они не знали, как облегчить свою жизнь, жизнь сестры. По причине наивности, незрелости их особо не трогало ее горе, одиночество, страдания, слезы, ночные причитаний. Они на минуту погорюют вместе с ней и позабудут о ее мучениях. Их больше всего заботила еда, как быстрее и ловчее своих братьев умять ее за скатертью. Видимо, такова природа голодного, незрелого, ненасытного организма, который, кроме своих проблем, ничего не заботит.

И сегодня Зайнаб укладывалась спать поздно ночью. Чтобы избавиться от мыслей о змее искусительнице, с головой нырнула под одеяло. Но напрасно убеждала себя не думать о себе, напрасно прятала голову в песок. Покой, душевный уют давно покинули ее. Ее неотступными спутниками стали одиночество, душевные страдания, мысли о собственной ненужности.

Сегодня тоже змея искусительница собиралась навестить ее, напасть, мучить, измываться над ней. Сегодня бестия была намного агрессивнее. С ходу напала на нее, обвилась вокруг ее ног, сжимая в кольца, протыкая в ее бедра языком, впрыскивая в них сладострастный яд; чем выше она поднималась, тем становилась сладострастнее, злее. Где-то там, выше колен, прокусив кожу, вползла в главную ветвь кровеносных сосудов. Она проталкивалась к разветвлению ног, заползала между ног, ниже живота, своими ядоносными клыками впивалась в выпуклость живота. Она поднималась выше, к грудям, тугими кольцами обвивалась вокруг них. Кровь закипала в ней, она возносилась ввысь, в бесконечность вселенной. Она сгорала от стыда, вместе с тем ей становилось беспредельно легко и хорошо. Так прошла вся ночь.

С гибелью любимого человека уделом ее судьбы стали беспокойные ночи, терзания души, страстные наваждения, приводящие ее к потере разума.

На южных склонах селения таял снег. С каждым днем солнце поднималось выше, оно стало греть больше. К весне в личном подворье Зайнаб прибавлялось много хлопот. После утреннего завтрака братья уходили в школу. А Зайнаб, управившись с домашним хозяйством, шла на колхозное поле. На нем до захода солнца работала, не разгибая спины.

По возвращении в саклю начинались семейные хлопоты. Она стряпала ужин, братьев укладывала спать, стирала, штопала одежду, носки, а после садилась за станок ткать ковер. Спать ложилась далеко за полночь. Устало ложилась в одинокую постель.

Как только ее смаривал сон, перед глазами вставали стыдные картинки прошлой ночи. От этих видений кровь в сосудах начинала закипать, она бешеными рывками толкалась к сердцу, оттуда прямым током ударялась в виски. Этого ей было мало, и она сильным потоком устремлялась в начинающиеся наливаться соком груди, сосцы, в пах, разгоряченные ноги. Она тугой змеей искусительницей проталкивалась по кровеносным сосудам, терзая ее плоть, отравляя ее рассудок. Она обратным ходом протаскивалась в сердце, ускоряя его ритм, учащая ее дыхание. Выползала на грудь, вокруг ее выпуклостей обвивалась тугими кольцами, зажимала их в тиски, мучила ее, доводя до умопомрачения. Но и это еще не все.... Заползала на плоский живот, головой втыкалась в него, продвигалась дальше, присасывалась опять к белым грудям с тугими коричневыми сосцами. Разгорячаясь, она делала рывки в сторону низа живота, заползала между ног, будя в ней неумемные похотливые желания, жажду неумемной ласки. В ее груди, внутри живота, ниже живота, между ног дико пульсировала кровь, пробуждая в ней дикие инстинкты, непонятные ей до сих пор стыдные желания. Змея искусительница поднимала ее высоко, опрокидывала на пол, и там грубо ласкала.

Эта ненасытная тварь терзала Зайнаб, глумилась над ней, своими томящимися губами и языком впивалась в ее самые стыдливые и нежные части тела, доводя ее до безумия. Избавить ее от ее нападков, искушений не способна никакая сила. Зайнаб от глубокой ночи до раннего утра не могла избавиться от ее натиска, крепких, удушающих ласк и объятий. Истомно кричала. Кипящая кровь забрасывала ее в такую губительную пропасть, в такие недра любовных мук, откуда она никогда не выберется. Она задыхалась от удушья, теряла разум. Змея искусительница лишала ее воли, элементарной способности мыслить, что-то в свою защиту предпринимать. Она в безумии напрасно царапала свои горящие огнем щеки, шею, грудь, напрасно старалась высвободиться из ее объятий...

Нервы Зайнаб были распатаны так, что по любому поводу она вспыхивала как лучина. Единственным местом, где она на время находила утешение, было колхозное поле. Утром с зарей вставала, после полуночи ложилась в постель. На колхозном поле она замыкалась в себе, трудилась, не покладая рук, до ломоты в теле, до тех пор, пока не свалится с ног. Так проходили дни, недели, месяцы, годы, годы без надежды, без тепла, без радости...

Когда наступили зимние холода, ненасытная змея искусительница, терзающая плоть Зайнаб, тоже на время ушла в спячку. Но с наступлением весны ее мучения начались с новой

силой. В одну из теплых весенних ночей змея искусительница неожиданно выползла из своего логова. Она зашевелилась внутри ее живота, задвигалась тугими кольцами, шипя и скручиваясь в новые узлы, по стенкам живота прошла раздвоенным языком. Она, тыча похотливым языком, вгрызалась в ее плоть, выползла на низ живота и губами прижалась к нему. Зайнаб ахнула, страстно застонала. Мягко водя руками по животу, ласково потянулась к грудям, ладонями нежно прижалась к упругостям сосцов. Змея острыми, как колючки, клыками, впиалась в них. Зайнаб издала сладострастный стон, упала на колени, спиной повалилась на постель, задвигала ногами. Руки опять потянулись к грудям, между ног, стали их упоительно гладить. Кричала, стонала, плакала, била себя по щекам, резко начинала хохотать, падала лицом в постель, ползала по ней, гладила подушку непослушными дрожащими руками, царапала лицо, грудь, низ живота...

* * *

Наступил май. Леса, луга, поля оделись в зеленый бархат. Природа благоухала. В горах таяли ледники, с их вершин в низины с грохотом устремились большие, малые реки. Запахло свежей землей. Особенно весело становилось по утрам и вечерам, когда природа наполнялась многоголосием певчих птиц, мычанием коров, блеянием овец, радостными голосами детей.

Люди, уставшие за зиму, высыпали из наскучивших саклей. Колхозники сегодня у реки вычищали луга, жгли прошлогоднюю траву, сухую хворостину. Весне больше всего радовалась молодежь, особенно дети. Даже хромой Гамид, подхваченный энергией молодежи, как старый кот, мурлыча под нос, невдалеке от Зайнаб важно обхаживал группу молодых женщин.

Сегодня с утра Зайнаб дышалось легко, ее сердце было наполнено дыханием весны. Она у речки лежала на зеленой траве, любовалась окружающей природой.

У хромого Гамида от присутствия молодых женщин учащенно забилось сердце, голова пошла кругом. Он хорохорился среди молодых женщин, искал возможность как можно ближе подступиться к Зайнаб.

– Какие вы все красивые, сладкие, – любезничал старый лис, – не женщины, а наливающиеся соком живые бутоны роз! – шутил Гамид, чтобы Зайнаб обратила на него внимание.

Когда до сознания Зайнаб дошли слова хромого Гамида, у нее перехватило дыхание, ее взгляд встретился с его похотливым взглядом. И его глаза ее ударили током. Она вздрогнула, изменилась в лице, вспыхнула пурпурной краской. Резко встала, но упала, ее ноги стали ватными. Кровь резкими толчками ударила в виски, от этого в глазах потемнело. Она напряглась, встала, на шатающихся ногах бессознательно отодвинулась от этого опасного места.

Гамид, словно гипнотизируя, сверлил ее со спины тяжелым взглядом зеленых глаз. Она спиной ощущала магнетизм его глаз, невольно обернулась и вздрогнула. Их глаза опять встретились: старые, пронзительные, алчущие крови и молодые, ненавидящие, испытывающие неподдельный страх. Зайнаб споткнулась, дрожь пробежала по ее телу, перед глазами завертелись черные круги, сознание помутнело. Падая, она бессильно ухватилась за ствол молодой яблони и этим спаслась от шуток и насмешек сельчанок. Зайнаб, ни на кого не глядя, через кусты, растущие на поляне, направилась в сторону села.

Гамид тоже через какое-то время исчез. Он вышел наперерез Зайнаб:

– Зайнаб, здравствуй, как ты себя чувствуешь? Как живут твои братья? Слушаются ли они тебя?

Зайнаб от него никак не ожидала такой прыти и наглости. Она безразлично поджала губы. Отвернулась, но резко обернулась назад, потянулась к небольшому кинжалу, висящему на

шее. Она предположить не могла, что этот смердящий человек до такой степени может потерять совесть.

– Дядя Гамид, уйди с моей дороги! Иначе не знаю, что я с тобой сделаю! – глаза Зайнаб метали молнии, правая рука с кинжалом нервно дрожала. Она была бледна – Уйди, богом прошу!

Гамид не обратил никакого внимания на вспышку ее гнева и равномерно продолжил:

– Может, тебе нужна помощь, мужская рука, опора? А?.. Хочешь, я к тебе направлю своего батрака. Ты будешь дома сидеть, пить чай, а он работать на тебя. Хочешь, – хитро подмигнул правым глазом, – тебя посватаю. Засватаю за немолодого, но крепкого человека с устойчивым хозяйством...

– Не за себя ли? – криво улыбнулась Зайнаб. – Ты же у нас самый богатый, наживший свое добро на горе отчаявшихся от нищеты женщин!

– Да, я посватаю тебя за меня, – не обращал внимания на возмущенные возгласы Зайнаб. – Ты будешь довольна, а твои братья накормлены, одеты, обуты. У тебя не будет никаких забот, кроме заботы обо мне... Ну, милая, соглашайся! – Гамид то ли всерьез, то ли в шутку, выставил вперед впалую грудь, расчесывая седую козлиную бороду.

Зайнаб от противных слов хромого Гамида вздрогнула. В ушах появился звон, в глазах – туман. Вдруг ей показалось, что солнце погасло, а она куда-то падает. Ей казалось, что она кричит о помощи. Сердце работало так, что готово было выскочить из груди. У нее помутился разум, вдруг взбесившаяся кровь, пульсируя, ударила в виски. Она весенними клокочущими потоками устремила по кровеносным сосудам. Ей стало трудно дышать; она задыхалась, рывком руки рванула застежку на шее, острыми ногтями вцепилась в нее. Внутри у нее все горело. Огнем были охвачены грудь, живот, низ живота. У нее внутри задвигался желудок, ее кишки неестественно перекручивались, они на что-то наматывались. Она воочию увидела, как тугая скользкая змея искусительница обматывается вокруг икр ее ног. Ей стало горячо, в паху вспыхнул огонь. Змея искусительница медленно, но настойчиво проползала вверх по ногам, доползла до промежности ног, впиалась в нее горячими губами, заползла на плоский живот, оттуда на туго выпирающие груди. Обвила их тугими кольцами и впиалась в коричневый сосок. Сердце гулко забилося, ей показалось, если оно сейчас же не утихомирится, оно или лопнет, или выскочит. Она ничего не видела: в ее глаза лез противный туман, лишая ее возможности видеть. Она дышала тяжело, со свистом; кончиком языка прошлась по высохшим губам. Грудь горела от стыдливой неги в ней; противное желание дурманящей страсти и вожделенной ласки стали подавлять ее волю так, что она была готова лишения чувств.

– Убирайся вон, вонючий козел! – одними губами зашипела Зайнаб. – Убирайся! – она на него направила острие кинжала, – иначе я тебя зарежу!

– Уйду, – предупредительно отскочил чуть назад Гамид, – сейчас же уйду, если ты скажешь, что будешь моей...

– Никогда! Я никогда не буду твоей, блудливый козел! Пошел вон, пока тебя не лишила козлиной бороды! – негодовала Зайнаб.

– Ну что же, посмотрим, – нагло заулыбался Гамид. – Посмотрим, кто кого чего лишит... – раскатисто рассмеялся и, предусмотрительно оглядываясь по сторонам, удалился в подлесок...

* * *

Она сделала огромное усилие над собой, чтобы вслед ему не запустить увесистый камень. Она от возмущения вокруг себя ничего не видела, она ругала, обзывала его. Шаг,

другой, третий, она в заколдованном тумане... Она пришла в себе у кромки реки. Со слезами на глазах оглянулась по сторонам, и в чем была нырнула в объятия ее прохладных вод.

Река с ревом неслась по каменистому руслу. Она на порогах гулко урчала и шлепалась о подводные каменные глыбы, гранитные пласты, выступающие на ее поверхность. Если встать напротив солнца и глянуть на светлую рябь реки, создавалось впечатление, что это не она течет, а навстречу ей двигается, утыканное булыжниками, дно. В глазах Зайнаб зарябило от солнечных зайчиков, отражающихся от поверхности реки. Легкий ветерок поднимал и швырял ей в лицо брызги воды. Ее лицо, грудь все еще горели от только что испытанного потрясения. В одно мгновение ей даже показалось, будто вода зашипела на ее щеках, шее, груди, как в горне с горячим металлом. Сердце еще гулко стучало, кровь пульсировала на висках. Но река быстро остудила, успокоила Зайнаб, на душе стала легче.

Солнце поднялось высоко, оно стало припекать ее голову, приоткрытую грудь. Зайнаб вышла на берег, скрутив в жгут, выжала волосы, подол платья. Выбрала яблоневое дерево с густой листвой и укрылась в ее тени. Испытывая чувство расслабленности, опустилась на мягкую траву, пахнущую дерном. Она спиной легла на мягкую весеннюю травку, бросила взгляд в бездонное небо, залитое солнечными лучами; закрыла глаза, через узкие прорези ноздрей с шумом втянула в себя весенние запахи.

Так она пролежала долго, чтобы забыть неприятный инцидент, происшедший недавно со стариком Гамидом. Вдруг где-то рядом ветерок, дующий от реки, до ее ушей донес обрывки песни, которую исполнял мужчина. Пел молодой человек о своей любимой. Он пел нежным, страстным голосом. Он жаловался на свою судьбу, безответную любовь к девушке. Песня задела Зайнаб за живое.

«Неужели на этом свете остались мужчины с такими чистыми, любящими и горящими сердцами, мужчины, потерявшие радость и покой в душе? А я-то думала, из племени романтиков на этом свете осталась всего лишь я.» – Зайнаб села за ветвями яблони так, чтобы страдающий молодой человек не заметил, что за ним следят.

«Интересно, – подумала Зайнаб, – где же он укрывается?»

Посмотрела направо, посмотрела налево – никого. Только река, подгоняя волну за волной, с грохотом устремлялась вниз. Вдруг ее взгляд наткнулся на певца, сидящего верхом на сером валуне недалеко от реки.

«Да это же Али, круглый сирота с детства, недавно демобилизованный из армии!»

О том, что Али давно влюблен в нее и сохнет по ней, Зайнаб была наслышана от своих подружек. И его песни, посвященные любимой, тоже не раз слышала на опушке леса, когда вместе с братьями собирала хворост. Тогда, подавленная своим горем, она не придавала поющему мужчине никакого значения.

Другое дело сейчас! Ее сердце от его нежного голоса затрепетало. В ней проснулись такие нежные, яркие чувства, от которых она восторгалась. На глаза навернулись слезы, с ресниц они крупными каплями падали на скулы, они лезли в уголки рта, затекали на подбородок. Спазмы душили ее. Они колючим клубком застряли где-то у кадыка. Она не стеснялась своих слез. Каждая нота, каждое слово, каждый перелив песни, доносимые ветерком, эмоционально действовали на ее состояние. Она так расстроилась, что заплакала в голос.

Вдруг до Зайнаб дошло, что Али поет о ее любви к Муслиму:

«Красивее Зайнаб нет девушки на свете, – пел молодой ашуг. – Ее лицо сияет, как утренняя заря. Цвет лица она взяла с лика луны, а красоту губ – с алой утренней зари. Ее черные волосы так густы и длинны, что в дождливую погоду она в состоянии под ними укрыть целую толпу сельских мальчишек. Красивее и ярче ее глаз могут быть только озера в горах. Только лицо ее всегда покрыто грозowymi тучами. А алые губы сомкнуты как бутоны роз в начале весны. А из прекрасных глаз вместо яркого сияния льются горькие слезы. Никому не дано право вкушать нектар с ее алых губ. Никто не имеет права получить тепло из ее огромных

глаз. К ее губам, янтарно спелым, сладким, как черешня, глазам как два бездонных омута в горах, имеют доступ только лучи солнца, нежный ветерок, капли вешнего дождя. Никого не нежат ее черные, как смоль, густые волосы. Они всегда спрятаны под черной траурной шалью. Ее трепетное сердце, как соловей, заковано в стальной клетке...»

«Действительно, – вдруг встрепенулось сердце Зайнаб. – Есть ли на свете женщина обездоленнее меня?! Со дня сотворения женщины Богом есть ли на свете женщины несчастнее меня? Какое горе и человеческую боль должна испытать поющая женщин, чтобы ее песни ушли в небытие? Только одиночество! Оно сломало, задушило, задавило меня. Оно нигде не отступает от меня. И сегодня бросает с горы, топит в болоте, поджаривает на медленном огне. О, боже, сколько ты меня испытываешь? Хватит ли у меня на то терпения? Скажи, кто я? Человек? Амфибия? Капля воды в реке? Частица дыхания? Одинокая туча на небосклоне? Я никто. Человек радуется, а я плачу. Амфибия покоряет моря и океаны, а я, лишенная тепла и влаги, чахну в пустыне. Может, я зверь? Нет, зверь рычит, охотиться, а я прячусь у себя в логове. Может, я змея? Нет, змея шипит, плюет ядом, а я не кусаюсь. Может, я паук, гусеница на тутовнике? Нет, паук пускает паутину, гусеница прядет шелк. А я сама лежу, связанная в паутине. Может, я не жива, давно мертва?

Все живые существа на земле, сотворенные Всевышним, живут парами. Даже травы, цветы, деревья растут парами. Птички, что выют гнезда на деревьях, живут парами. Даже насекомые на поляне и те забегают в свои подземные норы парами. А я все одна да одна...

А хромой Гамид? Даже этот черный ворон, одной ногой, стоящий над могилой, другой – в могиле, и то не хочет оставаться один! – вдруг ее осенила мысль, она схватилась за голову. – Постой, постой... А разве я дошла до конечной черты своей жизни? Разве за горизонтом нет другого горизонта, за морями других морей? А если это еще не предел моей жизни? Если для меня на небосклоне вспыхнет другая звезда? Если завтра сложу другую музыку, сочиню другую песню? Разве это преступление перед Ним, перед своей совестью? Он должен же в ком-то повториться, продолжит его в себе? Разве это будет преступлением, предательством перед памятью Муслима?»

Зайнаб так сильно расстроилась, ей себя стало так жалко, что ее сердце не выдержало, и она заплакала. Она плакала долго, горько, безутешно... Ее стоны, причитания заглушали птичье щебетанье в саду, отдаленно раздающийся беззаботный хохот подружек, их песни, восклицания, неугомонный шум реки. Она расстроилась до такой степени, плакала так сильно и безутешно, что, казалось, даже речка приуныла. Подавленная горем, она на некоторое время забыла, где находится, что ее могут услышать, ее могут не так понять. Тем более, за ближним бугром, в кустах речной ивы, должен находиться Али. Ее прорвало так, что все слезы, невыплаканные за последние беспробудные годы и превратившиеся в ледяные осколки внутри, растаяли, потекли ручьями.

Ей следовало срочно оставить это место, уйти, раствориться. Если кто-то из сельчан увидит ее здесь одну, в опасной близости от неженатого молодого человека, ее опозорят. Но вместо этого ноги несли ее в сторону Али.

Вот и он, высокий, широкоплечий, с узким тазом и сильно развитой мускулатурой. Его внешность, тонкие черты лица произвели на Зайнаб сильное впечатление. Открытое овальное лицо, светлый цвет кожи, карие глаза, высокий прямой лоб, прямой нос – со всем этим Зайнаб когда-то встречалась.

«Как я могла его не замечать?» – не верила она своим глазам.

Вдруг сердце защемило, что-то в нем проснулось, кто-то зашевелился внутри ее живота.

Змея искусительница, терзающая ее, только недавно успокоившаяся, неожиданно проснулась. Она с шипением приподняла клыкастую пасть, свирепея, завилась тугими кольцами, задергала упругой головой, готовясь к броску. Она еще раз нервно зашипела, заскре-

жетала шершавыми чешуями о стенки ее живота, выползла из места лежки. Выползла, остановилось на выпуклости ее живота, извиваясь, поползла к наливающимся соком грудям, заползла между ними, клыками вцепилась в твердеющий коричневый левый сосок...

Зайнаб застонала, все больше возбуждаясь, неистово закричала. Утихомирившиеся страсти, все больше разгораясь, пронесли по ней огнем. Змея, охватывая тугими кольцами грудь, шею руки, живот, завязывала ее в тугой узел. Она своим раздвоенным языком тыкала во все ее чувствительные части тела, возбуждая, доводя ее до экстаза. Кусая шею, туго выпирающие груди, выпуклость пониже живота, она заползала все дальше, в низ живота, между ног. Девушка истомно вскрикнула и застонала. Задышала быстро, с хрипом; она задвигала ногами, всем телом, ей не хватало воздуха. Змея искусительница ласкала Зайнаб, доводила ее до ужасного греха, до умопомрачения. Еще несколько движений и от разгорающихся в ней страстей и истомы, до которой доводила ее змея, она могла лишиться разума и умереть. Змея душила Зайнаб в своих сильных объятиях, вдруг бессовестно приподняла подол ее платья, впиалась в ее лобок, низ лобка. Она, кусая ее, впрыскивая яд, все туже сжимала ее в свои объятия, туго растянулась, заползла в ее утробу. Она высасывала животрепещущую влагу из нее капля за каплей...

Еще одно мгновение и Зайнаб бросилась бы к ногам Али, прося, чтобы он высвободил ее из удушающих объятий змеи. Она готова была перед ним раздеться догола, броситься в ноги, прося, чтобы он «сорвал с нее мучающий ее запретный цветок». Шаг, еще шаг в его сторону... Сейчас она бросится в его объятия... Но ноги, ставшие ватными, вдруг подкосились, она пошатнулась, запуталась в высокой траве, лицом вниз упала в нее...

В это время за Зайнаб неотступно следили другие глаза, похотливые, ненасытные. Видел бы кто сейчас эти глаза! Он превратился в гюрзу, готовую броситься на жертву. Шипел, извивался, со скрежетом терся о чешуи чешуйчатого тела. Становился на хвост, в полтела отрывался от земли, опускался, растягивался, готовясь к решающему броску. Вместе с чешуйчатым телом к мученице трубочкой тянулись бескровные уста, беззубые, зловонные, плюющие ядом.

* * *

Это существо шесть лет неотступно вело наблюдение за своей жертвой. Оно ждало своего часа, удобного случая, чтобы напасть и впиться в ее плоть ненасытным жалом, присосаться к ней жаждущими крови губами. Шесть лет это упругое скользкое ядоносное чудище ждало своего часа, ждало, чтобы напасть, впрыснуть яда, обездвижить и насладиться своей победой.

Бросок! Чудище обвилось вокруг нее, зажало в кольца объятий. Зайнаб истомно закричала, села, прилагая все усилия тела, приподнялась на ноги. Ей нужно было спешно избавляться от удушающих объятий змея искусителя и немедленно удалиться от грешного места. Оглянулась, но глаза покрылись мраком, она, словно в бреду, поплелась к реке, упала в воду. Она бессознательно кричала, ругалась, с себя срывала, стаскивала что-то мерзкое, скользкое.

Она никак не могла понять – где она, что с ней. Что это: явь или сон? В чем кроется секрет ее мучений? Ей невероятными усилиями удалось вырваться из объятий змея искусителя, разбежаться и унести в спасительную саклю. Она не помнила, как в сумерках добралась до сакли, как разделась и легла в постель. Она не помнила, как уснула, забылась нервным, беспокойным сном...

Зайнаб во сне вдруг вздрогнула, вскрикнула, вскочила в постели. Глаза ее были широко открыты, их испуганный взгляд был направлен в темный угол комнаты. Она вся дрожала, не понимая, что с ней происходит, порывалась высвободиться от того, кого не было с ней в постели. Она стонала, тянулась к шее, к груди, животу, порываясь высвободиться из объятий

какого-то скользкого, мерзкого существа. Она содрала с себя ночную рубашку, разорвала ее в клочья и бросила к ногам.

Она в бредовом состоянии подсознанием понимала – это змея искусительница опять приползла к ней в постель, напала, стараясь зажать ее в свои тугие извивающиеся кольца, поднять под собой и задушить. У этой змеи почему-то была голова Али, которого она вчера встретила у реки. Когда она порывисто потянулась к нему, он виновато обернулся к ней спиной, стал отступать. Она вся задрожала, упала перед ним на колени, умоляя, чтобы он остался; встала, подобрала с пола шаль, накинула ее на плечи и пошла за ним. А он, краснея, пряча от нее полные слез глаза, все отступал. Наконец, рванул изо всех сил, пустился в темноту...

Зайнаб вскочила с постели и погналась за ним. Она легко вскочила на подоконник, выпрыгнула во двор и рванула за ускользящей тенью Али в спящую ночь.

Тихая весенняя ночь. Под лучами полной луны на травах и цветах дрожат радужным цветом миллиарды больших и малых росинок. Зайнаб, босая, в белоснежной шали на плечах, белой молнией носилась по ячменному полю, поднимая в небо миллионы радужных бусинок. Она, бледная, с широко открытыми глазами, зовя Али, просила, умоляла, чтобы он ее дождался, носилась за ним по зеленому морю ячменя, где, как в бреду, металась из стороны в сторону. Это море, сладко спящее под матовым светом луны, встревоженное громкими криками мольбы Зайнаб, вдруг зашевелилось. По его мягким зеленым волнам, еле касаясь их, прошелся ветер, поднявшийся с реки. Зеленое море зашуршало, зашевелилось, гоняя над собой огромные волны. Оно устремлялось к алеющему горизонту, плавно переходящему в сизый небосклон.

Раба страстей за зелеными волнами понеслась в его зияющую глубину. На ее груди висела, блестящая при лунном свете, огромная змея искусительница, душа ее в своих кольцах. Чтобы унять жажду неги, высвободиться из ее объятий, она бросилась в глубину зеленого моря. Там сама извивалась как змея, проскользнула, пронеслась вдоль и поперек зеленого моря. Истомно кричала, дрожащими руками царапала себе грудь, терзала свою плоть, кусалась, стонала, в агонии каталась в ячмене.

Объятия тугих колец змеи, затягивающиеся на ее ногах, пояснице, груди, шее становились все туже. Ей становилось трудно дышать, она задыхалась. Змея порциями впрыскивала яд в самые восприимчивые части ее тела. Яд, постепенно действуя, медленно усыплял ее разум, сводил ее с ума, закидывал в жернова вулкана. Грудь покрылась капельками блестящего пота; вдруг ее стало знобить и колотить; в животе усиливалась горечь отравления, глаза, спрятанные за паутиной тумана, перестали видеть, уши различать шумы и шорохи таинственной ночи. Сила невидимой страсти сводила ее с ума. Она истомно стонала, каталась по зеленому полю. Вдруг вскочила, вставая и падая, по полю сделала несколько небольших кругов. С мольбой к Али вскочила и побежала в глубь поля.

А хромой искуситель, возбуждая свою отмирающую плоть, истомно стона и рыча, повторяя все телодвижения своей мученицы, за ней неотступно ходил следом. Он ждал того кульминационного момента, того пика, когда девушка упадет и будет биться в конвульсиях страсти. Она, охваченная жаждой страсти, все больше теряла самообладание. Зайнаб забыла, кто она, что она в лунную ночь потеряла в поле ячменя, чего ищет, от чего она высвобождается.

Настал желанный миг. Гамид, тяжело ступая на дрожащих кошачьих лапах, вышел из своего укрытия. Стал за спиной Зайнаб. Зайнаб за собой почувствовала гибкие телодвижения серой твари, отвратительный запах, исходящий из ее пасти. Она вздрогнула и вскрикнула. Но было поздно... Хромой старик, откуда нашлись силы, стремительно набросился на девушку, зажал ее в своих костлявых объятиях, гнилыми передними зубами впился в ее губы. Девушка, почувствовав прикосновение липких губ, гнилой запах, источаемый его ртом, ост-

рый запах мочи, исходящий от его козлиной бороды, вскрикнула, отдернулась назад. Закричала так, что горы задрожали, шапки дремучих холмов вздрогнули. Но не тут-то было! Старик зажал девушку между ног с удесятеренной силой, своей клешней зажал ей рот. И вой девушки, терзаемой скользким, змееподобным существом, разнесся по холмам и долинам...

Зайнаб, прикрываясь разорванной в клочья шалью, ничего не соображая, ничего не чувствуя, бродила по зеленому морю ячменя, освещенному лунным светом. Она спотыкалась, падала, вставала, вновь падала. Она долго бродила по безграничному полю. Наконец, напала на какую-то тропу, тянущуюся из ячменного поля в сторону горной вершины. Она вела ее на макушку горы, начинающую вырисовываться в свете утренней зари.

Зайнаб стояла на макушке горы. Луна с головы до ног освещала ее своим белесым светом. Она, высокая, стройная, с длинными, распущенными волосами, стекающими на плечи, стояла и смотрела в перину молочных туч, стелющихся под ногами. Она протянула тонкие детские руки вперед, сделала еще несколько шагов, поднялась на самую высокую точку и застыла. Внизу вся лощина спала под периной беломолочных туч, утопающих в матовом свете луны. Казалось, Зайнаб тоже обернулась белой тучей, готовой свеситься с горы в пропасть и прыгнуть.

Утренний ветерок нежно пронесся по ее волосам, вскидывая их, сбрасывая со спины на грудь. Она, покачиваясь на неустойчивых ногах, грациозным движением руки прошла по волосам. Потом руки раскинула по сторонам крыльями лебедя, готовящегося к полету. Но одна рука упала плетью. Она в неравной борьбе с насильником была изувечена. Матово-бледное лицо, лишенное единой капли крови, подставила треплющему его ветерку. На мертвеющем лице девушки отразился и погас матовый блеск луны. Она, насколько могла, расправила руки, будто одним разом захотела обхватить целое море лунного света; по-детски улыбнулась, сделал шаг вперед... И белая лебедь, вместе того чтобы взлететь, сложив крылья, стрелой понеслась в туманную глубину...

Луна зашла за Малый Кавказский хребет, небосклон померк. Ее лучи по земле прощально проскользнули последний раз. Они садились на росинках, дрожащих на лепестках цветов, усиках трав. Росинки зажглись мириадами звезд и погасли. Луна уплыла за горизонт. Тьма проглотила мир.

1994 г.

Зарра

Зарра историю своей жизни мне рассказала в поезде Баку – Москва. В годы Великой Отечественной войны волей судьбы она оказалась связанной между партизанами и Центром. Вместе с шестимесячным ребенком она попала в кабалу шефа тайной немецкой жандармерии. Чтобы спасти жизнь ребенка, она пожертвовала своим именем, своей честью. За казнь шефа тайной немецкой жандармерии фашисты ее вместе с советскими пленными живьем закапали в землю. На ее глазах убили мужа-партизана, ребенка. Голову ребенка отрубили и зашили в животе мужа. А Зарру волей судьбы спас вожак волчьей стаи, которая напала на живые человеческие головы, кочанами растущие на земле.

Поезд Баку – Москва по расписанию в Дербенте остановился ровно на пять минут. Теперь он, издав гулкий, прощальный гудок, набирая скорость, мчался на север. По длинному узкому коридору вагона с поклажей в руках протискивался в свое купе. Дверь была приоткрыта, я вошел. В купе с правого бока два места были заняты молодым парнем и девушкой. Я поздоровался, оглядел свою лежанку на нижнем ярусе, слева. Поклажу уложил в комод, еще раз приветливым взглядом прошелся по лицам своих спутников, которые обиженно отвернулись от меня.

Парень в майке и спортивных брюках хмуро лежал на верхнем ярусе. А девушка, скорее всего его приятельница, полулежала на нижнем ярусе, на дверь купе попеременно бросая опасливые взгляды. В купе, видимо, до моего прихода у них с кем-то произошел какой-то неприятный инцидент, поэтому молодые ведут себя нервно. Я спиной почувствовал холодок, исходящий из глубин купе. Девушка была одета в облегающие тонкий стан брюки и водолазку, от чего она выглядела моложе своих лет. При моем появлении она почувствовала себя неловко; встала, села на лежанку. Она молчала, молчал и молодой человек. В купе установилось гробовое молчание, какое обычно создается, когда в ограниченном пространстве неожиданно собираются несколько незнакомых лиц. Девушка, незаметно бросая многозначительные взгляды в мою сторону, стала шепотом что-то говорить со своим спутником. По реакции парня видно было, что он с ней не соглашается. Наконец, видимо, она смогла убедить его, потому что он дал понять ей кивком головы, «что он согласен». Он неестественно закашлял в кулак, пытаясь привлечь к себе мое внимание. Когда я повернулся в его сторону, он доверительно заглянул мне в глаза; заикаясь, неуверенно заговорил:

– Гражданин, ммм, дружище, – затравленный взгляд, таящий в себе неподдельный страх, на мгновение остановился в проеме дверей, – пока здесь нет того монстра с двумя лицами, что стоит у окошка в коридоре, хочу Вас предупредить: немедленно переместитесь на верхнюю полку... На этой полке, снизу, расположилась она... Вероятно, она опасна, она может навредить Вам...

Я его осадил недоверчивым взглядом: «Кто этот нечестивец, который так неучтиво ведет себя с незнакомым спутником?»

– Мужчина, прошу, не обижайтесь, я говорю с Вами вполне серьезно! Вероятно, наша спутница несет в себе страшный разрушительный заряд, от которого все, с кем она сталкивается, застывают на месте. Мне кажется, Вам будет неплохо, если станете чуть подальше от ее полки!

В его глазах был неподдельный страх, он, как и девушка, в проем двери бросал частые взгляды. Не выдержав нервного напряжения, он поднял с полки раскрытую книгу и спрятался за ней.

Спустя некоторое время в проеме двери купе с двумя лимонадными бутылками в руках показалась женщина лет тридцати пяти – сорока. При ее появлении девушка, прикорнувшая на краешке своей полки, пугливо вскочила. Она страшно побледнела; из ее горла вырвался

стон. Столько ужаса и неподдельного отчаяния я прочел в ее глазах. Она вся съежилась, пугливо озираясь на незнакомку, отползла в самый крайний угол полки, опасаясь, что та в лучшем случае ее зарежет, в худшем случае проглотит. Голова незнакомки, несмотря на летнюю жару, духоту в вагоне, была закутана в тонкую белую шаль.

Незнакомка не могла не знать причину такого необъяснимого поведения своих спутников. По ее губам пробежала нервная дрожь; длинные ресницы широко раскрытых черных глаз на мгновение напряглись колючками. Но она быстро взяла себя в руки, не дала выплеснуться через край своим эмоциям; кивком головы поздоровалась со мной; бутылки с лимонадом, стараясь не звякнуть стеклом, поставила на откидной столик у окошка; неуверенно присела на край полки и смущенно обратилась ко мне:

– Молодой человек, простите, я, кажется, заняла Ваше место... право, мне неловко перед Вами... Если я Вас не затрудняю, не смогли бы вы расположиться на моем месте? – она сделала незначительную паузу. – На верхней полке.

– Гражданка, прошу Вас, не беспокойтесь, – стал я ее успокаивать, – я сам хотел попросить Вас об этом одолжении... В поезде мне нравится любоваться русскими просторами с высоты верхней полки, – я стал укладываться.

Она, еле сдерживаясь, чтобы не накричать на молодую пару, сидела у столика, на краю полки. К тому времени, когда я расположился на верхней полке, туалетные принадлежности, книгу, очки расставил по своим местам, новая спутница успела успокоиться. Вдруг она обратилась ко мне:

– Если я Вас не стесняю, можете посидеть со мной. И, пожалуйста, откройте мне бутылку воды. А то здесь других не попросишь...

Она бросила горестный взгляд на молодую пару. В ее глазах появилась боль и неподдельная тревога. Мне неясна была причина тревоги и недоверия моих соседей друг к другу.

Я поблагодарил незнакомку за внимание ко мне, уселся рядом с ней. Открыл бутылку лимонада, налил полстакана и протянул ей. Она неспешно сделала пару глотков, поставила стакан на стол. Я заметил, правая рука, в которой она все еще держит стакан, мелко дрожит. Солнце заглянуло в окошко купе, стало очень душно; не хватало воздуха, хотя окошко было открыто до конца. Несмотря на невыносимую духоту, незнакомка с головы не сняла шаль; приоткрытыми были только ее ухоженные, красиво очерченные серповидные брови, угольно-черные глаза, нос, рот. Эта женщина меня заинтриговала. По всей вероятности, она глубоко страдала. В ее печальных глазах таилась сердечная боль; во всем облике была видна какая-то потаенная, жутковатая отрешенность, страшно угнетающая ее.

Я был в костюме, мне нужно было переодеться в походную форму. Я извинился перед незнакомкой, из саквояжа вытащил спортивный костюм; вышел в туалет с мылом, полотенцем; умылся, освежился, переоделся, тихо проскользнул в коридор. Надо было притереться к своим соседям по купе, обдумать свое поведение в компании весьма занимательных, на первый взгляд, спутников. Не принять же и мне обиженную на своих спутников мину на все время езды. Да и дорога была неблизкая. В коридоре вагона мне в глаза сразу же бросилась моя новая спутница. В самом конце коридора моя таинственная незнакомка стояла у полуоткрытого окна и печально глядела вдаль. Она не заметила моего присутствия. Я тихо подкрался к ней, встал рядом. Столько сокрытой скорби и отчаяния я увидел в ее влажных глазах! Выходит, она держала глаза на мокром месте.

Мне стало неудобно. Она стыдливо отвернулась, влажным носовым платком в руке стала быстро и украдкой вытирать глаза. Через мгновение она оглянула меня таким бесхитростным и чистым взглядом, что у меня дрогнуло сердце.

«О, боже, – горестно подумал я, – какую же тайну хранит в глубине души эта несчастная женщина?»

Не надо быть всевидящим, чтобы заметить, какая тайная боль угнетает эту женщину; сколько в ней сокрыто разочарования, отрешенности от всего, в глазах затаено столько изнеможения, неподдельной ненависти к себе, такое нежелание жить, что меня от удивления пошатнуло на ногах. Когда она еще раз уставилась на меня своими огромными, иссиня-черными глазами, полными слез, и какой-то магнетической силы, у меня мурашки прошли по коже спины. Я чувствовал, как волнение ее сердца передается моему сердцу. Я запаниковал, на мгновение даже потерял контроль над собой. В такую ситуацию я до сих пор не попадал и не знал, как себя вести. Я закашлялся, отвернулся и неуверенным шагом направился в купе.

Когда я панически отступал в купе, мои спутники вели какой-то оживленный разговор, видимо, о нашей спутнице. Они вдруг запнулись, куда-то смущенно попрятали глаза. Девушка ударилась в панику, но, когда увидела, что за мной не последовала наша таинственная спутница, испуганно вращая белками глаз, быстро-быстро заговорила:

– Молодой человек, Вам не кажется, что Вы ведете себя неосторожно, что рискуете жизнью? Эта женщина суший дьявол! Она несет в себе какую-то сверхъестественную угрозу, скорее, какую-то невиданную неземную силу... Я думаю, нам всем надо быть начеку, главное, держаться вместе... Да, да, не смейтесь, уверяю Вас, не будьте так легкомысленны! Кто она, откуда, куда и с чем следует, какая тварь ее родила, одному богу ведомо! Верьте на слово, она не одна, у нее есть двойник... Под шалью она прячет еще одно лицо, лицо то ли ходячей смерти, то ли оборотня. Я боюсь, как бы она не захотела испробовать крови, человеческой крови! Ой, мамочки, что будет с нами? – она нервно затряслась, в глазах появился ужас. – Мое сердце чувствует беду!

– Послушайте, гражданка, – я сделал ей внушение, – не совестно ли Вам так плохо говорить и думать о нашей спутнице?! – Ну и что, что она прячет лицо под шалью? Может, она стесняется его показать, может, ее угнетает какая-то тревога, может, у нее дома траур? А если она с войны вернулась искалеченной, раздавленной судьбой? Разве сегодня среди нас мало ходит людей, искалеченных войной, жизненными неурядицами?

Но по тому, как пугливо озирается девушка, как тревожно ожидает появления таинственной незнакомки, можно было понять, что она знает то, о чем я не догадываюсь. «А если на самом деле она не врет?»

Не зная, что ответить девушке, я промолчал, нехотя забрался к себе на полку, заправил матрас, пододеяльник, наволочку и прилег. Взял в руки книгу, но строки расплывались перед глазами. Я чувствовал, что из своего уголка меня пытливо изучает взгляд широко открытых огромных глаз таинственной незнакомки. Передо мной вместо книжных страниц стало ее матово-бледное лицо, ноздри осязали волнующие тонкие запахи ее тела, уши улавливали затаенный шепот ее красиво очерченных припухлых губ. Ни одна прочитанная строка из книги, к которым я возвращался ни один раз, мне не запомнилась. Из рук на постель невольно выпала книга; я не мог собраться с мыслями, они путались в голове; сердце неритмично стучало в груди. Я занервничал, из кармана спортивной куртки выхватил пачку сигарет, зажег, вышел в тамбур, закурил. Я старался не встречаться взглядом с таинственной незнакомкой, но он пронизывал всю мою защитную ауру тела, проникал в самое сердце. Ее загадочный взгляд иссиня-черных глаз жег радужную окраску моих глаз, жег душу.

«Во взгляде этой женщины есть что-то такое, от чего мысли у меня путаются, сердце уходит в пятки и на душе становится зябко, – должен был согласиться я. – Иначе как объяснить паническое поведение молодой четы? Как объяснить, когда в душном вагоне все задыхается от нехватки воздуха, а эта особа сидит закутанная в шаль?! Что за изъяды лица, головы она скрывает под этой шалью? А если молодая пара права? Если эта особа не такая, как все?! Может, она входит в какую-то секту, и ей запрещают одеваться как всем женщинам? Неужели молодая чета увидела то, что от чужих глаз скрывает таинственная женщина?.. Так, посмотришь, у нее обычная голова, никаких отклонений. И черты лица весьма привле-

кательны, я бы сказал, вызывающе красивы. Ей, вероятно, приятно закутываться в шаль. Это же не порок! И она закутывается своеобразно. Вероятно, впечатлительная девчонка в облике таинственной незнакомки увидела то, что она в обычной жизни не замечает. И свое впечатление навязала влюбленному в себя избраннику. Чтобы под шалью не скрывала эта женщина, со временем выяснится. Не зря друзья обо мне за глаза говорят, что я способен видеть то, чего не видят обычные люди, развязать язык даже немому. Если я захочу, выпытаю тайну и из сердца камня».

У меня хаотично работали мысли, мелкие горошины горячего пота выступили на лбу. Я чувствовал, как ее взгляд обжигает мне затылок, спину. Это таинственная женщина со своего угла в коридоре сверлила мне головной мозг, центральную нервную систему. Я не выдержал этого магнетического взгляда, и обернулся к ней лицом. Взгляды наши встретились. В зрачках ее глаз вспыхивали, гасли огоньки, от которых мне стало очень горячо. Мне показалось, что электрический разряд прошелся по моему телу, он снопами искр разлетелся из глаз, от этой вспышки я на мгновение ослеп. Столько таинственной силы, огня, душевной теплоты, в то же время твердости, непокорности я прочел в этом взгляде. В сердце у меня что-то перевернулось, я ей невольно улыбнулся. Взгляд ее глаз потеплел; дуги бровей загадочно приподнялись; какой-то тончайший луч света, шелест легкого дуновения прошелся по длинной дуге ее ресниц. В долгожданной доверительной улыбке растянулись ее припухлые алые губы. Мне стало легко, свободно. В это мгновение мне показалось, что и она с души сбросила тяжелый камень, давно давящий ее. Я протянул ей руку дружбы. Она схватила ее обеими руками и прижала к своим губам. Я растрогался до такой глубины, что ком подступил к горлу.

* * *

Проводница разносила чай по коридорам нашего вагона. Я попросил ее занести к нам в купе четыре стакана чая. Она быстро выполнила мой заказ. Я на секунду заглянул в купе, рассчитался с ней и попросил нарезанного лимона. Проводница оказалась легкой на подъем, и эту просьбу она быстро исполнила. По купе поплыл аромат свежесваренного чая с мятой и лимоном. Молодые люди, угрюмо отвернувшись к стенке, лежали на своих местах. Я пригласил их к столу. Они притворились спящими. Я вышел в коридор, таинственную незнакомку пригласил на чаепитие. По сиянию на лице и блеску в глазах я понял, что она еще находится под глубоким впечатлением нашего рукопожатия. Я повторил приглашение. Она улыбнулась одними красивыми глазами и последовала за мной.

К столу я повторно стал звать и наших спутников, но те явно были не настроены на чаепитие, тем более, на перемирие со спутницей. «Не хотят, не надо», – одними глазами дала знак таинственная незнакомка. Она, присаживаясь к столу, еще раз благодарно улыбнулась мне. «Бог с ними», – прошептала она собравшимися в бутон розы мягкими губами. Этот диалог, состоявшийся между нашими глазами и губами, очистил мое сердце от всех грозовых туч; мне стало легко и свободно, я от прилива адреналина даже чуть опьянел.

– Благодарю Вас за проявленную чуткость, заботу, свойственную только настоящим горцам. Из нынешней молодежи мало кто наделен такими редкими качествами, – ее глаза с укором были направлены на наших спутников. – Я сама уроженка Дагестана. Когда я родилась, мой отец шепнул мне на ухо редкое для тех мест, где я живу, имя Зарра. Родилась, живу на Украине. Ездил в Дагестан, на родину моих предков и предков моего мужа. Сейчас возвращаюсь обратно, домой. Если желаете, могу предъявить и паспорт, как это потребовали от меня наши спутники, – голос у нее дрогнул, она стала копаться в сумке.

– Сестра, – выговорил я мягким грудным голосом, – я не инспектор транспортной милиции, тем более, не таможенник, – прошу Вас, ведь мы там, – я глазами показал на кори-

дор, – обо всем договорились, пожалуйста, пожалейте меня. «Но я не прочь узнать, какую тайну храните под завернутой шалью», – не могли скрыть своей пытливости мои продажные глаза.

Ее щеки вспыхнули, ноздри стали раздуваться, в глазах появились недобрые огни; они загорались и гасли так, что от их сияния в моих глазах зарябило. «Любопытство – порок падших людей», – прочел я мысль в ее глазах, которые нырнули за густую вуаль ресниц. Я почувствовал, как кровь ударяет мне в лицо, как огнем вспыхивают мои щеки, как краснеют кончики ушей. Я стыдливо отвел глаза в сторону. Но не выдержал вопросительного выражения ее глаз и опять заглянул в их глубину.

«Вы – тот молодой человек, который еще не потерял чувство меры, не успел испортиться. Возможно, я доверюсь Вам и открою свою тайну», – говорило выражение ее глаз.

Я догадался, что моя прекрасная незнакомка владеет редкой способностью считывать с сердца собеседника еще несозревшие в нем мысли. Я извинился перед ней, выражением губ и глаз дал понять, что проиграл затеянную с ней игру в «кошки – мышки».

«Я знаю все, что с Вами было! Я знаю все, что с Вами происходит! Я знаю все, что с Вами будет! Я знаю, где грань земного океана, где плещет небесный океан! Я знаю, где было начало мироздания, где будет его конец! Но, увы, я страдаю, эти знания мне приносят только одни душевные терзания!» – печально улыбались мне ее прекрасные глаза.

Мне еще раз стало стыдно за свои земные мелочные страсти, за свое недостойное горца поведение. Я почувствовал, как опять моя рубашка липнет к ложбине между лопатками. Она увидела, как я опять тяжело переживаю свое фиаско. Она еле заметным взмахом ресниц дала понять, что прощает меня. Я облегченно вздохнул, задышал полной грудью. Кивком головы поблагодарил ее за чуткость.

В Армавире поезд остановился на пять минут. Мне этого времени хватило на то, чтобы сбегать в буфет вокзала, купить пару бутылок шампанского и кое-что из продуктов. Поезд тронулся с места, когда я в последнюю секунду запрыгивал в последний вагон. Зарра в коридоре с прижатыми к груди руками, с тревогой в глазах искала меня. Этот ее беспокойный взгляд я успел заметить с перрона, когда гнался за поездом и садился в вагон. С бутылками шампанского, смущенно улыбаясь, буквально забежал в вагон. Я заговорил с моей прекрасной незнакомкой, которая, вся бледная, суетливо бегала по коридору вагона. Она буквально кричала, что от поезда отстал пассажир, требовала, чтобы остановили его.

Я громко кричал ей в ухо, что все страхи позади, и я стою с ней рядом. Когда она очнулась, успокоилась, увидела меня рядом, чуть ли не бросилась мне на шею, заплакала. Но в последнее мгновение она вдруг остановилась, расширенными зрачками глаз заглянула мне в лицо, ахнула и легкой тенью ускользнула в купе. Когда я, спустя некоторое время, вошел в купе, она, успокоенная, сидела на своем месте. Наши взгляды встретились, мой слегка смущенный, у нее стыдливый. Прося прощения, улыбнулся, она взглядом слегка меня пожурела и простила. Чтобы сгладить свою вину, я пригласил Зарру за стол со мной потрапезничать. Боялся, что она не согласится. Но она любезно приняла мое предложение. Мало того, она из дорожной сумки вытащила домашнюю курицу, чуду с мясом и травами. Вдобавок, к моему удивлению, она на стол выложила и бутылку Дербентского коньяка.

– Если не возражаете, – она смущенно отвела глаза, – за знакомство выпьем чарочку коньяка.

– Для меня большая честь поднять рюмку коньяка за здоровье моей землячки, – у меня от волнения задрожал голос, – ведь я тоже табасаран!

Не успел я выговорить последнее слово, как Зарра вскочила, обняла меня, у нее заблестели глаза. Наконец, краснея, запинаясь, выдавила из себя фразу:

– Ведь, я с первых минут встречи чувствовала, что нас связывает что-то большое, родное! Это – судьба!

Она растрогалась до слез: «О боже, есть справедливость на Земле!» Она долго успокаивалась, вспоминая родной край: его изумительную природу, Хучнинский водопад, «крепость семи братьев и одной сестры», больше всего она говорила о гостеприимстве земляков. Зарра успокоилась. Она извинилась за слезы умиления, стала спешно накрывать стол, как это умеют делать дагестанские женщины. Я раскупорил бутылку коньяка и разлил приятно пахнущую жидкость по стаканам.

За наш импровизированный стол мы вежливо пригласил наших соседей. Но те, пряча глаза, от нас сконфуженно отвернулись. Видимо, им стало совестно за свое невежливое поведение. Они почувствовали себя стесненно, глазами друг другу сделали знаки, мол, «выйдем». Они встали с полок, не стесняясь нас, стали переодеваться в парадно-выходные костюмы. По тому, как девушка тщательно одевалась, наводила макияж, было понятно, что они собираются в ресторан. По блеску в глазах Зарры я понял, что она рада их уходу.

«Видимо, при первой же встрече в купе между моими спутниками пробежала искра недоверия. Но когда они успели почувствовать друг к другу такую глубокую неприязнь, — я заметил, что тоже нетерпеливо ожидаю их ухода, — возможно, со временем причина их ссоры сама собой раскроется».

* * *

— Причина? Мой земляк, причина сокрыта вот здесь! — она резким движением руки содрала с лица шаль.

— О, боже, какое наказание? Что за лицо? В кого ее превратили? — девушка страшно побледнела, вся задрожала, закрыла лицо руками, упала на пол и зарыдала.

Мы с парнем подняли ее на ноги, уложили на полке. Парень обнял ее за плечи, стал успокаивать. Но девушка истерично кричала, вырывалась из рук. Зарра передала мне стакан минеральной воды. Я брызнул девушке в лицо пригоршню воды, успокоил, привел в чувство.

В купе установилась гробовая тишина, только снаружи был слышен ритмичный стук колес вагона о рельсы. И в этой тишине я, как смертный приговор, услышал могильный голос Зарры:

— Если бы меня наказал бог! — вдруг она захныкала. — Тогда это было бы не наказанием, а моей наградой! Наказали меня люди с фашистской свастикой на рукавах!

Я был поражен не видом ее лица, а тем, как, с какой интонацией она эти слова выговорила.

«О, Аллах, что за лицо, за что ее так жестоко наказали? — восторженно мое сердце. — У нее же нет половины лица!» — не верил я своим глазам.

У Зарры на правой части лица вместо щеки выступала костлявая беломраморная скула. Скула была обезображена обтянутой гармошкой сизо — голубой сморщенной кожей с багровыми и синеватыми разветвлениями и молочного цвета прожилками внутри.

Я задрожал. Это обезображенное лицо молодой женщины в моем сердце одновременно вызвало смесь жалости, ужаса, отвращения. Мне казалось, что это не реально, что я вижу какой-то страшный сон. Мне не хотелось верить, что современный человек может быть таким жестоким, что он лицу женщины может нанести такое средневековое увечье. Я потерял ощущение реальности времени. Я плохо соображал. Застыл на месте. Чувствовал, как зябну, словно, вся моя кровь из тела отхлынула к сердцу. Сердце бешено забилося, готовое вот-вот разорваться. Оно безостановочно скакало, пугливо билось о грудную клетку. Стучало в моих ушах так звонко, как молот по наковальне. Еще одно мгновение, оно не выдержит такого натиска и разорвется. Руки стали ватными, а ноги подкашивались.

Я прилагал усилия, чтобы в легкие набрать воздух, вытаращенными глазами, заморожено глядел на ее обезображенное лицо. От напряжения слезились глаза, не хватало сил,

чтобы выдохнуть набранного в легкие воздуха. Я задышался. Одновременно и жалел Зарру, и ненавидел.

– Вот такая реакция бывает у всех людей, когда перед ними открываю свое второе лицо! – еле слышно выдохнула Зарра. – Боюсь, даже на том свете не найду себе места, где бы могла прятаться от ужаса и презрения людей, которое вызывает мое изувеченное лицо! Вы думаете, мне легко жить с таким лицом, мириться с презрением людей? – из ее глаз брызнули слезы. – Я мечусь между жизнью и смертью, между светом и тьмой и нигде не нахожу душевного покоя! Я на свете до сих пор не нашла ни одного живого существа, способного проявить ко мне хоть элементарное сострадание, ни одной живой души, пожелавшей спасти мою загубленную душу! О, боже, как жестоко я наказана за любовь к мужу и сыну, за верность Родине! Разве я заслуживала этого наказания?! За что ты подвергаешь меня таким испытаниям? – легла на лавку лицом к стенке и навзрыд заплакала.

Она долго плакала, выплакала все слезы, успокоилась, встала, привела себя в порядок; несколькими ловкими движениями рук опять укутала лицо шалью.

– Ради бога, мой земляк, простите меня за женскую слабость. Это нервы... Я давно не встречалась с человеком, который проявил бы ко мне сострадание. Вот и не сдержалась.

В ее глазах была такая отрешенность, такая убийственная скорбь, что я от стыда и слабость за себя, за всех людей на свете готов был провалиться сквозь землю.

– Нет, я в своих бедах никого не виню... Если виновата в чем-то, то я сама... Я не упрекаю и Вас, молодые, – обратилась к молодой чете, – за презрение ко мне. Так устроен весь мир, сам процесс естественного отбора... Просто тогда, когда полмира находилось под кованым сапогом Гитлера, судьбе было угодно, чтобы я оказалась там, где меня опозорили, растоптали, стерли в порошок. Война одних убила, других искалечила, третьи в ее горниле остались живыми, четвертые пользуются благами победителей войны. Мне дает силу сознание того, что таких, как я, изувеченных душевно и телесно, искалеченных войной, у нас в стране тысячи и миллионы. И у каждого из них своя личная беда... Я родилась несчастливой, иначе, почему среди миллионов советских людей, убитых фашистами, не оказалась и я?

Она заглянула мне в глаза: ее вопросительный взгляд, сознание того, что я ей ничего существенного не отвечу, эти по-детски вопрошающе протянутые ко мне руки сбили меня с толку; моя голова была опустошена, я виновато опустил глаза перед ней.

Ее лицо, вернее, то, что осталось от лица, было матовым; красиво очерченные припухлые губы нервно дергались. Она жестом руки попросила, чтобы я сел поближе к ней. Я был потрясен увиденным, бескрайним горем несчастной женщины, был обескуражен, разбит и еле держался на ногах. Но должен был успокоить мою прекрасную незнакомку. Вместо этого она взяла мою руку в свою и стала успокаивать меня.

У меня мысли перепутались, я забыл, что делаю в этом вагоне, куда направляюсь. Я был в тумане, глаза плохо видели, сердце меня не слушалось. Не схожу ли я с ума? Вдруг пелена спала с глаз, я вернулся в реальный мир. Заметил, что молодая пара, которая собиралась уходить в ресторан, обнявшись, затаив дыхание, слушает исповедь Зарры.

– Благодарю Вас, мой соплеменник, за сердобольность, за то, что приняли меня такой, какая я есть. Вы не испугались, не оттолкнули меня от себя. Не проявили своего омерзения, не выразили ко мне животную неприязнь. А я к такому отношению людей никак не могу привыкнуть. Это для меня самое страшное наказание, страшнее фашистского карцера. Вот так я живу, нет, существую более двадцати лет, – она говорила, не уставая, видимо, решила выговорить все, что на душе накопилось. – Вы, мой соплеменник, из другой закваски. Вас небеса одарили чутким сердцем, отзывчивой душой. Вы склонны к состраданию, пониманию, участию в жизни тех, кто обижен судьбой. Поэтому таким, как Вы, тяжело тянуть свой гуж, – вдруг у нее настроение переменялось, глаза засияли. – Ох, видели бы Вы меня двадцать лет назад, когда мне было шестнадцать лет! Поверьте, я тогда не была Венерой,

но была первой красавицей города. Девушка выше среднего роста, с красивой мордашкой, на которой играла кровь с молоком; с огромными смолистыми глазами, прямым чистым лбом. Мое лицо украшали прямой узкий греческого типа нос, спелые, как черешни, губы. А волосы? Какие были у меня волосы: густые, каштановые, волнистые, длинные до пят! Они многих мужчин сводили с ума. По мне все парни, не только парни, все мужчины нашего города сходили с ума! Но жизнь человеку порою диктует свои суровые условия! За один день войны, за одну допущенную ошибку в среде фашистов я лишилась сына, мужа, лица, чести...

Я видел, сколько горя, отчаяния, презрения к себе испытывает эта несчастная женщина! Какое сердце должно биться в груди, чтобы двадцать лет жить с такой страшной болью в сердце, терпеть человеческое равнодушие, порою унижения, презрение?!

Зарра заметила давно разлитый в стаканы коньяк. Она легким движением руки один стакан подтолкнула ко мне, другой подняла:

– Выпьем за советскую женщину, рожденную богом, выдержавшую все муки фашистского ада, – чуть подумала и добавила, – даже победившую смерть! – отпила пару глотков коньяка, стакан поставила на стол.

– А я произношу тост в честь советской женщины, – с дрожью в голосе вымолвил я, – принесшей нам славу победы, переборовшей лютый страх и фашистов! – я тремя глотками опустошил содержимое стакана.

Мы чуть перекусили, вилками ковыряясь в своих тарелках, каждый ушел в свои думы. Нужна была пауза, чтобы Зарра успокоилась, собралась с мыслями. Мне тоже нужна была передышка. Я должен быть терпеливым, любезным, чутким, взвешенным в своих суждениях и ни в коем случае не ранить сердце этой женщины. Мои мысли должны быть чистыми, задаваемые вопросы лаконичными, недвусмысленными. Главное – не выдать свои глаза. Глаза – зеркало души человека, в которых отражается вся его сущность. Не дай бог, чтобы они подвели меня перед этой женщиной-ясновидицей.

На какое-то время Зарра отвлеклась обозрением просторов за окном. Что она там ищет, что она ищет в глубине своей души? Может, она там, за окном, отыскивает начало нити прошедшей молодости? Мне казалось, монотонный стук колес поезда, вызывающий грусть, эхо прошедшей войны, прокладывается по рельсам через ее истерзанное сердце, через горнило ее души.

– Как я говорила, перед войной я была самой завидной невестой у нас в городе, – ее бархатный голос проникал в каждую частицу моей души. – За мной ухаживали, мне предлагали руку и сердце сыновья самых знаменитых и богатых людей города. У подъезда нашего дома, возле школы на дорогих машинах меня сутками караулили влюбленные в меня неженатые и женатые мужчины. Они меня приглашали в рестораны, предлагали дорогие квартиры, машины, отдых в самых известных санаториях Северного Кавказа, клялись устроить учиться в самые престижные вузы страны. За мной волочились сыновья чиновников города, сами чиновники, артисты, депутаты, военные, в том числе и славянского происхождения. Мой отец, человек прямой, крутой, очень суровый, не соглашался ни на какие условия, предлагаемые сватами. Он выжидал кого-то, дожидался какого-то известного ему момента истины.

Мои подружки иногда приносили слухи, что кто-то один из бедовых голов кавказской национальности собирается меня украсть, увезти на Кавказ.

В тот день, когда к нам домой явились сваты от моего земляка-табасаранца, я с подружкой сидела во дворе в беседке. Мы были заняты женской болтовней, обсуждали последние коллекции модной женской одежды и всякое прочее... Вы же знаете, какие между собой бывают разговоры у девушек в этом возрасте: о принце на белом коне, об охах, ахах... Как тогда сваты мимо нас прошли, незамеченные нами, до сих пор не поняла. Меня позвали

домой, я пошла. Дом был полон незнакомыми кавказцами. Они говорили на табасаранском языке, который я знала неплохо. Вдруг сердце мое встрепенулось, оно почувствовало, что сейчас произойдет что-то такое, что изменит всю мою жизнь. Я увидела глаза мужчин, оценивающие направленные на меня, завистливые глаза женщин, обсуждающие мои наряды. Отец воспитал меня строго, но с чувством собственного достоинства. Поэтому я без стеснения разглядывала мужчин и женщин. Среди мужчин сидел тот, на котором остановилось мое внимание. Глаза! Боже мой, какие были эти глаза! Черные, пронзительные, жгучие как угли в очаге! Когда наши взгляды встретились, он, как барс, вскочил и замер, готовый защитить меня от всех гостей. Сердце мое упало в пятки. «Это он, я его всю жизнь ждала! – встрепенулось мое сердце. – Конечно же, он! Кто, кроме него, осмелится ко мне свататься?!»

Мне показалось, что ко мне за моим согласием обратился отец. В это время в гостиной, во всех других комнатах, в коридоре – во всем доме установилось гробовое молчание. Мне казалось, этому молчанию не будет конца. Я не знаю, как это получилось, но, рдея, я выпалила:

– Я согласна! – и, ничего не видя перед собой, опрокидывая все, что попадалось под ноги, выбежала из гостиной.

Я слышала, как в гостиной, соседних комнатах, коридоре – везде стали раздаваться веселые, одобряющие возгласы мужчин и женщин. А я, очарованная его глазами, как в волшебном сне, отдалялась все дальше и дальше. Слова за моей спиной сливались в монотонные, еле различимые звуки. Вдруг в гостиной заиграла гармошка, раздались огнедышащие трели барабана. Все мужчины разом захлопали в ладоши, кто-то из них закричал «асса» и пустился в пляску. Потом, будучи в плену у фашистов, после войны, где бы я не находилась, эта музыка повсюду в жизни сопровождала меня...

* * *

Меня просватали за Муслима, за сына давнишнего друга моего отца, семья которого, как наша, укоренилась в Харькове. Муслим, лейтенант Красной Армии, служил в одной из Н – ских частей Украины.

Мой отец работал инженером на одном из оборонных заводов Харькова. Я закончила десятый класс, готовилась поступать в авиационный институт, а в свободное от занятий время помогала матери по домашнему хозяйству, вместе с ней ткали ковры, сумахи. Она их очень дорого продавала скупщикам, которые покупали их прямо с ткацкого станка. Со всей области от заказов на ковры и сумахи не было отбоя. Таким образом, мы жили безбедно, даже зажиточно.

В том году я поступила в Харьковский авиационный институт. Осенью вышла замуж, через год у нас родился сын. Когда нашему сыну исполнилось шесть месяцев, немецкие фашисты напали на нашу Родину.

Мы с мужем жили в военном городке небольшого хутора, недалеко от Луганска, куда его перевели. Первые же дни войны мужа с небольшой группой таких же офицеров куда-то перебросили, потом нам передали, что в разведшколу. Когда фашисты заняли Харьков, мой отец с матерью переселились к нам. Через некоторое время фашисты заняли и наш хутор. Отец был партийным, мы боялись предательства, за его жизнь. Рассчитывали, что вдалеке от Харькова фашисты его не вычислят, недруги его не предадут. Но нашелся предатель, который указал на отца. Его повесили на одинокой сосне, возвышавшейся у въезда на наш хутор.

Когда Зарра заговорила об отце, ее голос задрожал, глаза наполнились слезами. Но, увлекаясь рассказом, она отвлеклась на другую тему, ушла в воспоминания. И ее речь, набирая силу, становилась ровной, уверенной. Наконец она заструилась ручейком.

– Еще в начале войны разведывательную группу, которой командовал мой муж, забросили в тыл врага. Кто-то из штабных крыс их предал, они попали в засаду. В неравном бою он потерял половину бойцов своей группы. А те, которые уцелели вместе с моим мужем, не смогли пересечь линию фронта, и они ушли в лес, к партизанам.

Наш хутор находился под немецкой пятой. Почти в каждой уцелевшей советской семье квартировали офицеры жандармерии. В нашем хуторе открыли штаб немецкой тайной жандармерии, куда полиция были наняты предатели, недовольные советской властью хуторяне. В хуторе врагов советов тоже было немало. Жить и свободно дышать стало невыносимо. Мы жили в зависимости от того, как наши партизаны в лесах вели себя: активно или пассивно. Если они активизировали диверсионно-подрывные операции, то по приказу начальника тайной жандармерии полицаи устраивали облавы на хуторян. Нас выгоняли к церкви, наугад выбирали нескольких из нас и в назидание остальным вешали на виселицах, на скорую руку сколоченных полициями на хуторском майдане.

Наша изба находилась на краю хутора, у оврага, недалеко от леса. По указанию центра партизаны превратили ее в свою тайную явочную квартиру, куда они по ночам собирались в случае необходимости. Из Луганска по подземным коммуникациям в овраг, за нашей избой, выходил туннель, прорубленный в Первую мировую войну. По нему в город просачивались партизаны, наши диверсионные группы. По рекомендации партизан я в избе открыла кафе, закусочную для немецких офицеров, куда партизаны через тайных агентов с рынка города поставляли продукты: мясо, рыбу, свежие овощи, фрукты, спиртное, немецкое пиво. Я наняла баяниста, певицу, которая виртуозно исполняла наиболее одиозные немецкие песни. По вечерам кафе всегда заполнялось немецкими офицерами. Они после изрядного количества выпитого спиртного, не ведая, что я прекрасно владею немецким языком, начинали откровенничать между собой, иногда выдавая мне ценную информацию.

Первые дни работы кафе самым мучительным для меня испытанием было преодоление ненависти к офицерам немецкой жандармерии, исполнение их капризов, прихотей. Но самым жестоким для меня наказанием была ненависть своих хуторян. Одни из них с презрением дышали мне в спину, другие открыто бросали слова проклятия, называя «фашистской подстилкой», «полицейской свистулькой». Но больше всего я боялась колющих взглядов, шипучих уколов матери. Она, хоть знала, что я являюсь связной партизан, что каждый день, рискуя жизнью, добываю информацию, иногда упрекала меня, что веду двойную игру.

В один из вечеров мою закусочную посетил переодетый в форму немецкого офицера партизан из отряда моего мужа и предупредил, что в следующую ночь меня посетит мой муж.

Я чуть не вскрикнула от такой радостной вести. Еле дождалась, когда кафе покинет последний посетитель. Забежала к матери, со слезами на глазах бросилась к ней на шею, шепотом передала радостную весть про мужа. Этому мне стало мало, упала перед ней на колени, стала осыпать ее руки, лицо поцелуями:

– О, боже, какое счастье, какое счастье! Ты там, на небесах, услышал наши молитвы. Ты не оставляешь нас без Своего божьего благословения! – все в слезах шептала я. – О, боже, какое счастье, какое счастье! – подбежала к люльке со спящим сыном, обняла его, осыпая его пухлые щечки, глаза, ротик поцелуями. – Сын мой, – тихо плакала я, – сегодня мы увидим нашего папку!

Весь день, весь вечер, всю ночь я готовилась к встрече с мужем. Мне казалось, этот день никогда не закончится и никогда не наступит заветная ночь. В хлопотах в кафе, на кухне временами я отвлекалась от мыслей о предстоящей встрече с мужем. День прошел как в тумане, наступили сумерки, глубокая ночь. Когда кафе покидали последние посетители, время перевалило за одиннадцать часов ночи.

К приему мужа подготовилась основательно. На печке в сковородке томилась говядина, в укромном месте я хранила бутылку водки. На свидание с мужем приготовила самое красивое, на мой взгляд, платье, чулки, туфли. Я, голая, задумчиво стояла перед зеркалом, рассматривая себя. Мне вдруг показалось, что за время отсутствия мужа я похудела, превратилась в ходячий скелет. Но, когда повернулась боком, показалось, что мой живот, плоский, подтянутый в девичьи годы, округлился, стал менее привлекательным. То казалось, что груди стали больше и соблазнительнее, коричневые круги вокруг тугих сосцов стали заметнее. Я, тихо напевая песню, крутилась, вертелась перед зеркалом, иногда бросая себе воздушные поцелуи, иногда подшучивая над собой. Я представляла себя в объятиях мужа, то соблазнительно гладила живот, то подтянутые бока, то груди, то округленные бедра, то тонкий стан – я вся была в ожидании предстоящей неги, любовных томительных игр... Прикрыв глаза, представляла самые горячие и ярчайшие ночи нашей совместной жизни...

Вдруг под моим окном раздались голоса: немецкий офицер полициям давал резкие, отрывочные приказы. Я вскочила, в это время ударом приклада выбили окно в мою спальню, туда ворвались полицаи, вооруженные карабинами; через выбитую дверь в комнату вошел и немецкий офицер.

От неожиданности я закричала, схватилась за платье, бросилась на постель и укрылась им. В люльке заревел сын, в соседней комнате заплакала моя мама.

– Где партизаны, сука, где их прячешь, отвечай! Где твой муж, командир партизанского отряда, отвечай! С кем из партизан держишь связь, кому передаешь информацию, отвечай! Кто из немецких офицеров каждый вечер посещает твой кафе, отвечай! – дергая меня за руку, длинный как жердь и в очках, офицер гестапо безостановочно задавал одни и те же вопросы. А полицай, стоящий с ним рядом, переводил на русский язык.

Я была в панике, я не понимала, что могло привести нас к провалу. Свернувшись на кровати калачиком, молчала, дрожала, иногда отвечала на вопросы невпопад, плакала. Интуиция подсказывала, раз фашисты мужа не взяли, надо от всего отказываться, на себя вину не брать. Отвечала, что никаких партизан я не знаю, что мой муж погиб в первые дни войны, никому никакой информации не передаю, что верно служу немецким властям, что я всего лишь одинокая несчастная женщина, воспитывающая сироту.

В это время полицаи шарили по всей избе, все, что было уложено в шкафы, комоды, вытаскивали, бросали под ноги. Они заглядывали в каждую щель, но ничего подозрительного не нашли. Я больше всего остерегалась, как бы они не нашли лаз из погреба в лес. Тогда мне, моей матери и сыну будет конец – повесят на виселицах, водруженных на хуторском майдане. К счастью, бог уберег нас: они не стали заглядывать под пол избы.

Меня подняли, поставили лицом к стенке: руки к стенке, ноги на ширину плеч. Проходя мимо, каждый полицай старался ущипнуть меня за мягкое место и смачно гоготал. Сын мой в плаче разрывался на части. Я просила, умоляла офицера дать мне возможность одеться и успокоить сына. Он меня даже слушать не стал. Вместо этого он приказал полициям отвести мою маму в жандармерию. Он брезгливо поднял на руки ревущего в детской кровати ребенка, как котенка передал его высокому полицаяу в круглых очках и приказал унести его в жандармерию. Я умоляла офицера, чтобы он моего сына оставил со мной, просила дать возможность его накормить и одеть. Когда верзила с моим плачущим сыном направилась к выходу, я отскочила от стены, закричала, вцепилась в него, вырывая малыша из его рук. Но вдруг в спину получила увесистый удар кулаком, от которого зашаталась, в глазах потемнело. Я упала на пол.

Когда очнулась, увидела, как офицер гестапо, ударивший меня кулаком, высится надо мной. Он был красен как рак, глаза, алчущие мою плоть, похотливо сияли; нижняя губа отвисла; с нее на мундир тянулась узкая нить слюны. Он рывкнул на полицаяев, чтобы они вышли и стали за дверью моей спальни.

Я не успела опомниться, как офицер лег рядом со мной, обнял, прижался ко мне. Он был очень силен, обхватил меня одной рукой так, что на груди ребра затрещали. Он мне не дал возможности даже опомниться. Перевернул меня на спину, впопыхах, тяжело дыша, запутываясь в каких-то застегках, стал стягивать с себя брюки. Я плакала, сопротивлялась, кусалась, но он меня за шею обхватил так, что я стала задыхаться. Он насиловал меня долго и грязно. Перед моими глазами поплыли темные круги, вокруг меня завертелась комната, свет в моих глазах померк...

Когда мое сознание стало проясняться, первое что почувствовала, так это тяжелого фрица, ритмичнодвигающегося надо мной, и гнилой, противный запах из его рта. С балкона был слышен рев моего сына, плач матери. Я пришла в себя. Голова раскалывалась, я вся была в тумане, мысли о сыне, несчастной матери, на глазах которой изнасиловали ее дочь, не покидали меня: «О, мой сын, о, моя несчастная мама!» – заплакала я.

Я запричитала:

– Пусти меня к моему сыну, проклятый фашист! Пусти! – я, теряя самообладание, укусила его за ухо и вырвалась из его объятий. Вскочила, быстро натянула на себя платье и метнулась к дверям.

Офицер за моей спиной заорал:

– Полицай, держи партизанку! Держи, не выпускай ее!

Я успела выскочить на балкон, поднять на руки сына, завернутого в солдатскую шинель, ревущего в руках бездыханно лежащей на полу матери. Мой насильник, натягивая штаны, успел выскочить на балкон. Он со спины ногой нанес мне такой ощутимый удар, от которого меня с сыном отбросило к стене. Я головой ударилась об стенку. Я почувствовала на лице кровь.

– Ты, партизанская сука, – нанес он второй удар, – осмелилась поднять руку на офицера рейха?! – он узкими когтистыми клешнями вцепился мне в глотку и приподнял вместе с ревущим сыном. – За это ты будешь наказана! Он своим рябым лицом прислонился к моему лицу, злобно прошипел:

– Не одумайся, будешь сопротивляться, кусаться – в лучшем случае, будешь сидеть в карцере, потом сгниешь в лагере для военнопленных. А в худшем случае, отдам в казарму с ротой голодных солдат! Я, кажется, выразился на понятном тебе языке? А это, – он вытащил из внутреннего кармана кителя мой снимок с мужем, снятый на нашей свадьбе, – моя козырная карта. Будешь глупить, передам в гестапо, тогда тебе капут! Мы о тебе с мужем все знаем. Хочешь, ознакомлю тебя с некоторыми фактами из твоего, как у вас русских говорят, личного дела? Так слушай! Ты с золотой медалью окончила среднюю школу в Харькове, там же учишься в авиационном институте. По всей вероятности, не глупа, даже слишком умна и разборчива в жизни. Поэтому вот мой тебе совет: проявишь смекалку, изворотливость ума, тогда твой сын останется с тобой, а твой партизан будет цел. Он даже будет выпущен из карцера. Твоя мать тоже не будет посажена в карцер. Так выбирай, красавица: на весах стоит твоя жизнь, жизнь ребенка, мужа, матери. Сглупишь, тогда вы будете всей семьей повешены на виселицах! Предупреждаю, – заговорил шепотом мне на ухо, – я первый раз на этой войне женщине из стана врага иду на уступки... Тебе повезло, ты очень красива и твоя красота спасает тебя. Пользуйся предоставленной возможностью остаться живой, даже наслаждаться жизнью.

Он потянулся ко мне своими слюнявыми губами, я отшатнулась и плюнула ему в лицо:

– Козел ты паршивый, а не офицер рейха! Ты способен всего лишь драться со слабыми женщинами. Если ты такой герой, тогда покажись со своими фрицами в лесу нашим партизанам, тогда они преподнесут вам уроки мужества!

Он размахнулся, чтобы дать мне пощечину, но я успела увернуться. Он не удержался на ногах, поскользнулся, размахивая руками, упал под мои ноги. Я рассмеялась ему в лицо. Он

вскочил, потянулся ко мне, чтобы меня повалить на пол, но остановился. Его осенила какая – то мысль, он зло и мстительно улыбнулся. Подбежали полицаи, стали руками чистить его мундир, сдувать пылинки с него. Офицер оглядел свой мундир, отряхнулся, из нагрудного кармана вытащил накрахмаленный носовой платок, вытер лицо.

– Ну что, красавица, вольному воля, а грешному ад... Готовься принимать у себя в избе роту солдат... Гельмут, – кликнул он одному из автоматчиков, стоящих на часах во дворе, – запри эту партизанку у себя в спальне, а ее щенка и старуху закинь в подвал. Жди дальнейших указаний!

Он в приветствии вскинул руку:

– Хайль, Гитлер!

– Хайль! Хайль! Хайль! – в ответ вскинули руки автоматчики и полицаи.

Он собирался уходить. В это время к нему прибежал посыльный из жандармерии и что-то на ухо тревожно передал. У офицера нервно задергался правый глаз, он писклявым голосом дал краткую команду:

– Солдаты, солдаты! Отставить приказ! Партизанке немедленно подайте ее пальто, ребенку пеленки, детскую одежду! Вытолкните на улицу старуху и отведите ее в жандармерию. Быстро, быстро! Эй, скоты, – заорал он на полицаев, – помогите партизанке спешно одеться и оденьте ребенка! Быстро, скоты!

* * *

Полицаи в поисках моих платьев, верхней одежды, детского белья, ползунков разбежались по избе. Я надела платье, разорванное в противоборстве с моим насильником, на плечи накинула пальто. Полицаи спешно запеленали моего сынишку.

Теперь, – он обернулся ко мне, – марш в жандармерию в распоряжение начальника тайной жандармерии майора Дитриха! Раз, два! – и сам последовал рядом с нами.

Здание, где располагалась жандармерия, находилось недалеко от моей избы. Вместе с матерью и плачущим ребенком на руках шла вперед под конвоем немецких автоматчиков. Я вчера была первой леди Харькова, а сегодня, изнасилованная немецким офицером, втоптанная в грязь, с шестимесячным ребенком и старой матерью топала на суд шефа тайной немецкой полиции. Мать, еле держась на ногах, отстала, плелась позади меня. Наши соседи, хуторяне с вытаращенными глазами выглядывали из-за заборов избушек, посылая проклятия вслед нам.

В здании жандармерии мать отвели куда-то. Меня повели в кабинет шефа тайной жандармерии. Мой насильник подбежал к старшему офицеру, похоже, больному туберкулезом, боком поглядывая на меня, стал тому спешно что-то объяснять. Тот меня оценивающе оглядывал с ног до головы, кивал головой в знак согласия, когда с ним в чем-то не соглашался, багровел лицом, за линзами очков зло выкатывал белки глаз. Я, полуодетая, вся озябла, мои плечи были открыты, не до конца застегнуты пуговицы платья на распахнутой груди. Под давлением грязных взглядов немецких офицеров я чувствовала себя самой падшей женщиной.

Майор, жадным взглядом оглядывая меня с ног до головы, явно вынашивал какой-то план. Он был так сильно поражен моими внешними данными, до такой степени загляделся на меня, что временно забыл, где он находится. Когда он из своих мечтаний вернулся в реальность, ладонью руки прошелся по узкому невзрачному лицу и заговорил со мной на чистом русском языке:

– Госпожа Зарра, не бойтесь, Вас здесь никто не тронет. С сегодняшнего дня Вы находитесь под надежной охраной Немецкого Рейха. Успокойтесь и, пожалуйста, пройдите в соседнюю комнату. Там есть условия, чтобы Вы себя с ребенком могли привести в порядок.

Вам там приготовлено чистое белье, платья, детская одежда и все такое прочее... Захотите, примите ванную, переоденьтесь, отдохните...

По тому, как шеф тайной немецкой жандармерии вел себя, как разглядывал меня, можно было безошибочно говорить, что я и к нему попала не в качестве арестованной партизанки...

Я прошла в соседнюю комнату, приняла ванную, искупала сына, переделалась во все чистое, одела сына. Вошла в зал. Он был обставлен в классическом восточном стиле: диваны, кресла, зеркала, шкафы; на полу были разостланы персидские ковры, в серванте красовалась тонкая китайская фарфоровая посуда, серебро. Села на диван, сына накормила грудью. Когда в детской комнате укладывала его спать в детскую кроватку, ко мне постучали. В зал зашел молодой офицер тайной жандармерии:

– Здравствуйте, госпожа Зарра. Наш шеф в Вашем вкусе не ошибся. Вы выбрали к лицу прелестное платье. К тому же Вы от природы исключительно красивы. Вы, – разглядывая меня, покраснел, – очень понравились господину майору. Я бы сказал, Вы на него произвели сильное впечатление. Он в душе поэт, художник, тонко разбирающийся во всем прекрасном, особенно в женской красоте. Меня тоже можете принять в круг своих друзей и во всем на меня положиться. Я желаю Вам удачи, благополучия. Кроме этого хотелось бы Вам дать один очень ценный совет: во всем соглашайтесь с нашим шефом. Я об этом говорю исключительно в Ваших интересах. Поведете себя легкомысленно, тогда погубите себя, мужа, ребенка, старую мать...

Я молчала, слушала этого самовлюбленного франта, обдумывая дальнейшую нашу судьбу. «Не случайно же меня вырвали из рук моего насильника. Не случайно отмыли, переодели вместе с сыном. Что, у тайной немецкой жандармерии такой подход к арестованным русским? Может, они хотят завербовать меня?»

Через лейтенанта немецкой жандармерии поблагодарила шефа жандармерии за галантное отношение к даме и за уют, созданный им до моего задержания. И передала, что обдумываю предложение шефа тайной немецкой жандармерии.

– Приятно было с Вами познакомиться! – он козырнул, развернулся на каблуках и направился к выходу.

– Куда вы упрятали мою маму? Что я здесь делаю? За что нас арестовали? – скороговоркой бросала ему в спину первые, пришедшие на ум, слова.

Хотела задать ему и другие вопросы: «Что сделали с моим мужем? Кто нас предал?» Но упоминать имя мужа, боясь ему навредить, я не стала.

– Госпожа Зарра, – вежливо перебил он, – все свои вопросы, пожалуйста, задавайте господину майору. Скоро он прибудет... Честь имею! – ровно чеканя шаг, направился к выходу.

У дверей, не выходя из комнаты, он окликнул кого-то. В помещение вошел высокий, как жердь, солдат в длинной шинели, за ним вошли еще двое солдат с какими-то картонными ящиками. Поставили их на огромный стол, стоящий в центре гостиной, развернулись и вышли. За ними вышел и офицер.

Я открыла ящики. Они были полны всякой женской и детской одежды. Сбросив их со стола, развернулась и задумалась:

«О, боже, что будет с нами, что будет с мужем? В его отряд вкрался предатель. Иначе как объяснить, что в хуторе, кто-то кроме меня, мог знать, что сегодня ночью меня посетит мой муж?» – я заплакала, но быстро поняла, что слезами беде, настигнувшей нас, не поможешь. Сынок испугался моего плача и заплакал. Я подняла его на руки, поцеловала. Ребенок был мокрый. Распеленала его, в ванной комнате подмыла, заменила пеленки, запеленала, накормила грудью. Насытившись, он заулыбался. Ребенка я покачала на руках, он сразу же уснул. Уложила его в кровать, накрыла детским одеялом и задумалась.

Ко мне постучались. Шеф жандармерии, пьяный в стельку, с огромной овчаркой на коротком поводке ввалился в зал. Собаке на немецком языке дал короткие команды: «Сидеть у дверей! С места не двигаться!»

Собака у порога легла на пол, закрыла глаза.

Он поздоровался, обратился ко мне на чистом русском языке:

– Зарра, прошу прощения, кажется, я пьян и нарушил Ваш покой, – видя тревогу в моих глазах, он сказал. – Не бойтесь меня, я не кусаюсь и знаю свою норму. Я воспитан в светской семье, я мягок и пушист. Вы находитесь под моей защитой. Больше никто не смеет Вас обижать. Того офицера, оскорбившего Вас, строго наказали: он выдворен из этого хутора и переведен в другое подразделение. Он поступил с Вами не как офицер фюрера. Ах, да, что я хотел Вам передать? Тревога, поднятая полицией вокруг Вас, оказалась ложной. У Вас в избе не нашли ничего, что компрометировало бы Вас. Более того, там не нашли никаких следов пребывания партизан.

– Я же говорила, господин майор, что я преданно служу немецким властям. Раз Вы убедились, что я не связана с партизанами и преданно служу немецким властям, тогда освободите меня. Я приступлю к своим обязанностям, в своем кафе создам хоть элементарный уют для досуга офицеров вермахта.

– Возможно, Вас оклеветали соседи. Вероятно, у Вас среди хуторян есть немало завистников. Свое кафе, небольшой бизнес, прием офицеров фюрера, вино, музыка, танцы – сегодня многие советские люди мечтают о такой жизни. Я уверен, Вы проявите свою полную лояльность немецким властям.

– Господин офицер, – мягко улыбнулась я, – я с первого же дня занятия Луганска вашими частями стала лояльной немецким властям. Не я ли каждый вечер устраиваю Вам надлежащий досуг и в компании русских красавиц? Не я ли Вас ставлю в курс хуторских новостей? Скажите, где моя мама? Освободите ее, она ни в чем не виновата. Она старенькая, больной человек, пожалуйста, отпустите ее домой.

– После оформления некоторых формальных документов Ваша мама, возможно, будет отпущена домой. Насколько быстро, это зависит от Вас, Зарра...

– Я не поняла Вас, господин офицер?

– Вы лукавите, госпожа Зарра! Вам недавно все в деликатной форме объяснил младший офицер жандармерии...

Слова шефа тайной жандармерии ударом ножа прошли по моему сердцу. Он открыто предлагал мне стать своей наложницей, иначе... Я почувствовала, как запылало мое лицо, как кровью наливаются глаза. Но мне ни в коем случае нельзя выходить из себя, нужно остерегаться ненужных слов, опрометчивых шагов. Я отвела взгляд в сторону, стараясь взять себя в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.